

УТЕШЕНИЕ СТРАННИКОВ

ФИЛИГРАННАЯ
ГОТИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА.
CHICAGO TRIBUNE

ИЭН МАКЬЮЭН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Утешение странников
Иэн Макьюэн

Аннотация
Иэн Макьюэн. Утешение странников
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая

Аннотация

Иэн Макьюэн — один из «правящего триумвирата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), лауреат Букеровской премии за роман «Амстердам».

В древнем городе — то ли Венеции, то ли нет, — куда Колин и Мэри приехали в отпуск, они изнывают от скуки. Их отношения давно зашли в тупик, они устали друг от друга так же, как устали блуждать среди нескончаемых извилистых улиц. Однажды ночью им встречается загадочный незнакомец по имени Роберт. Уверенный в себе, приветливый и, может быть, чересчур назойливый, он ведет Мэри и Колина через весь город — и навсегда из их прежней жизни…

Иэн Макьюэн
Утешение странников

как ютились мы в двух мирах
дочки-матери
в стране сыновей

Эдриен Рич

Путешествие — жестокость. Оно вынуждает нас доверять чужакам и не искать привычного душевного уюта в друзьях и в домашнем очаге. Мы теряем точку покоя. Нашего вокруг не остается ничего, за исключением вещей самых простых и насущных: воздуха, сна, того, что мы видим во сне, моря, неба — то есть всего, что тяготеет к вечности или к нашему о ней представлению.

Чезаре Павезе

Глава первая

Всякий раз ближе к вечеру, когда город за темно-зелеными ставнями на окнах гостиницы начинал подрагивать, Колин и Мэри просыпались от методичного перестука стальных инструментов о борта зачаленных у понтона гостиничного кафе железных барж. По утрам эти проржавевшие, как будто оспой изъеденные калоши, на которых не заметно было ни груза, ни чего-либо похожего на двигатели, исчезали; во второй половине дня они появлялись опять, и матросы как-то разом набрасывались на них с долотами и киянками. Именно в эту пору, в сгустившейся предвечерней жаре, на понтоне начинали собираться завсегдатаи — поесть мороженого за алюминиевыми столиками, и их голоса тоже заполняли собой полумрак гостиничного номера, то набухая, то опадая волнами смеха и споров, до краев заливая короткие паузы между пронзительно-звонкими ударами молотков.

Они проснулись, как им показалось, одновременно и тихо лежали каждый в своей постели. В силу каких-то уже не совсем понятных им обоим

причин Колин и Мэри друг с другом не разговаривали. Под потолком вертелись вокруг люстры две мухи, дальше по коридору провернулся в замке ключ: приближаются шаги, шаги удаляются. Наконец Колин встал, настежь распахнул ставни и пошел в ванную принять душ. Все еще плавая на мелководье полусна, Мэри повернулась на бок — Колин как раз прошел мимо — и уставилась в стену. Ровный ток водяных струек за дверью навевал дрему, и она снова закрыла глаза.

Всякий вечер, перед тем как отправиться на поиски очередного ресторанчика, они проводили на балконе около часа. Это был своего рода ритуал: каждый терпеливо выслушивал приснившийся другому сон, в награду за это получая возможность пересказать свой собственный. Колин видел сны, обожаемые психоаналитиками: он рассказывал о полетах, о том, как у него крошатся зубы, или еще о том, как он, голый, стоял перед сидящим незнакомцем. Что касается Мэри, то жесткий матрас, непривычная жара и чужой, едва знакомый город совместными усилиями спускали со сворки сумятицу полных шума, чреватых смыслами снов, которые, жаловалась она, довлели и над ее дневными часами; прекрасные старинные храмы, алтари, каменные

мосты над каналами ложились на ее сетчатку тускло, как на слишком далеко поставленный экран. Чаще всего ей снились дети, ее дети, что они в опасности, а она слишком бестолковая или беспомощная, чтобы помочь им. Ее собственное детство мешалось с их детством. Сын и дочь оказывались ее ровесниками и пугали ее настойчивыми расспросами. «Почему ты уехала без нас?» «Когда ты вернешься?» «Когда мы приедем, ты встретишь наш поезд?» Да нет, пыталась втолковать им она, это *вы* должны меня встречать. Она рассказала Колину, как ей снилось, что дети забрались вместе с ней в постель, по обе стороны от нее, и лежали всю ночь и препирались над ее телом. «Нет, я сделал». — «Нет, не сделал». — «А я тебе говорил». — «Нет, не говорил…» Пока она не просыпалась, совершенно разбитая, зажимая уши ладонями. Или, говорила она, бывший муж загонял ее в угол и принимался терпеливо объяснять (было у него когда-то такое обыкновение), как пользоваться его дорогим японским фотоаппаратом, методично проверяя, усвоила ли она очередную тонкость. Час шел за часом, она принималась вздыхать и стенать, просила его остановиться, но прервать этот вязкий поток объяснений было невозможно.

Окно ванной выходило на внутренний дворик, и в этот час он тоже оживал, полнясь звуками из соседних номеров и гостиничных кухонь. Как только Колин выключил душ, мужчина из номера напротив, тоже под душем, запел свой ежевечерний дуэт из «Волшебной флейты». Заглушая громоподобный рев включенной на полную мощь воды, сквозь смачное хлюпанье и шлепки по густо намыленной коже, мужчина пел с полным самозабвением человека, который уверен, что его никто не слышит, срываясь, пуская петуха на верхних нотах, пропевая на «тра-ла-ла» забытые слова, оглушительно выкрикивая оркестровые партии: *«Mann und Weib, Weib und Mann,* союз, угодный небесам». Как только душ выключился, пение деградировало в свист.

Колин постоял у зеркала, послушал и без всякой особой надобности начал бриться во второй раз за день. Со времени приезда их жизненный распорядок предполагал дневной сон (лишь один-единственный раз перед сном был секс) и теперешнюю неторопливую, самодостаточную интерлюдию, во время которой они чистили перышки перед вечерним выходом в город. В этот час приготовлений они двигались медленно и почти не разговаривали друг с другом. Они

умащали тела дорогими, купленными в магазинах беспошлинной торговли одеколонами и пудрами, они тщательно, не советуясь друг с другом, выбирали, во что одеться, как если бы среди людских множеств, с которыми им вскоре предстояло смешаться, они надеялись встретить кого-то, кому их внешний вид был глубоко небезразличен. Пока Мэри занималась йогой на полу в спальне, Колин обычно сворачивал косячок марихуаны, который они выкуривали потом на балконе и который усиливал очарование того момента, когда они делали наконец первый шаг из гостиничного коридора в густой, как сливки, вечерний воздух улицы.

Когда их не было в номере — и не только по утрам, — заходила горничная, убирала постели и, если ей это казалось необходимым, меняла белье. Они были непривычны к гостиничной жизни, и эта близость с чужим человеком, которого они едва знали в лицо, приводила их в замешательство. Горничная уносила использованные бумажные салфетки, ровно, как по линейке, выстраивала их обувь в шкафу, она складывала их грязную одежду на стуле аккуратной стопочкой и собирала разбросанную повсюду мелочь, выставляя на прикроватном столике маленькие столбики из

монет. Впрочем, они очень быстро привыкли во всем полагаться на нее и взяли за обыкновение обращаться с вещами небрежно. Они совсем перестали ухаживать друг за другом, у них уже не находилось сил — в такую-то жару — взбить перед сном подушку или наклониться, чтобы поднять с пола упавшее полотенце. В то же время они стали менее терпимы к беспорядку. Однажды утром, ближе к обеду, они вернулись в номер и обнаружили его в том же состоянии, в каком сами его оставили, то есть попросту непригодным для жизни, и у них не было иного выбора, кроме как снова уйти и подождать, пока его не приведут в порядок.

Часы, предшествующие дневному сну, также имели свой четко выраженный характер, только импровизаций здесь могло быть много больше. Стояла середина лета, и город был заполнен приезжими. Каждое утро после завтрака Колин и Мэри выходили из гостиницы, захватив с собой деньги, солнцезащитные очки и путеводители, и смешивались с толпами, которые валом валили по мостам через каналы, вливаясь затем в узкие улочки. Они прилежно решали туристические задачи, которые ставил перед ними древний город, посещали его знаменитые и не очень храмы,

его музеи и дворцы, все как один переполненные сокровищами. На торговых улицах они подолгу стояли перед витринами, обсуждая подарки, которые они могли бы здесь купить. Но для этого нужно было по меньшей мере зайти в магазин. Несмотря на имеющиеся карты, они плохо ориентировались: могли по часу ходить кругами, сверяясь (это было по части Колина) с положением солнца, чтобы в конце концов выйти к какому-нибудь знакомому месту с неожиданной стороны, так и не разобравшись, где они все это время бродили. Когда идти становилось особенно тяжко, а жара давила еще сильней, чем обычно, они принимались подтрунивать друг над другом: куда спешить, они ведь в отпуске. Они тратили огромное количество времени на поиски идеальных ресторанов или на то, чтобы найти ресторанчик, в котором ели пару дней назад. Часто получалось так, что в идеальном ресторане не было мест или, если они приходили после девяти вечера, он как раз закрывался; и если по дороге им попадалось приличное заведение, в котором были места и которое не собиралось вот-вот закрыть двери, они порой заходили и наедались впрок, даже если были не очень голодны.

Поодиночке они, вероятно, ходили бы по городу

с удовольствием, шли бы куда глаза глядят, не по заранее намеченному плану, а потому, даже и заплутав, обрадовались бы этому обстоятельству или просто не обратили бы на это внимания. Посмотреть здесь действительно было на что, главное — быть наблюдательным и не упускать ничего. Но каждый из них знал другого почти как себя самого, и эта их близость, как громоздкий багаж, постоянно отвлекала их внимание; вдвоем они двигались медленно, неуклюже, то и дело вырабатывая неловкие компромиссы, отслеживая тончайшие нюансы настроений, заделывая бреши. По отдельности каждого из них не так уж и легко было задеть, вдвоем же они умудрялись обижать друг друга самым неожиданным, непредсказуемым образом, а потом обидчик — так было уже дважды с момента их приезда — возмущался тем, что обиженный строит из себя недотрогу, и дальше они вышагивали по извилистым улочкам и внезапно появляющимся из ниоткуда площадям в полном молчании и с каждым шагом все плотнее замыкались в мыслях друг о друге, а город постепенно мерк.

Мэри встала, отзанимавшись йогой, и, устроив сперва тщательный досмотр нижнему белью, принялась одеваться. Сквозь приоткрытую стек-

лянную дверь ей был виден Колин, на балконе. Весь в белом, он развалился в пляжном, из алюминия и пластмассы, кресле, кисть руки болталась у самой земли. Он затянулся, запрокинул голову и задержал дыхание, а потом выдохнул дым поверх стоящих вдоль балконной стенки горшков с геранью. Она любила его, хотя и не в данный конкретный момент. Она надела шелковую блузку и белую хлопчатобумажную юбку и, присев на краешек кровати, чтобы завязать сандалии, подобрала со столика карту. В других частях этой страны, судя по фотографиям, были луга, горы, дикие пляжи, тропинка, которая вилась через лес и выходила к озеру. Здесь же, а у нее в году был единственный свободный месяц, оставалось только приговорить себя к музеям и ресторанам. Услышав, как под Колином скрипнуло кресло, она пересела к трельяжу и начала короткими энергичными движениями расчесывать волосы.

Колин принес косячок в комнату, для нее, но она отказалась, пробормотав короткое: «Да нет, спасибо» — и даже не повернувшись к нему. Он все медлил у нее за спиной, заглядывал в зеркало и пытался перехватить ее взгляд. Но она глядела прямо перед собой и причесываться не перестала. Он коснулся ее, пальцем отследив линию ее

плеча. Рано или поздно им все равно придется перестать играть в молчанку. Колин отвернулся было от нее, но передумал. Он кашлянул и твердо положил ей руку на плечо. Снаружи как раз начинался закат, было на что посмотреть, а здесь, внутри, нужно было налаживать отношения. Нерешительность на него нашла исключительно по милости травки, и нерешительность эта была того трусоватого типа, когда он спорил сам с собой, что, если он, скажем, сейчас уйдет, уже успев до нее дотронуться, это, по крайней мере чисто теоретически, вполне может ее задеть… однако она как причесывалась, так и продолжает причесываться, и пауза откровенно затянулась, и ощущение такое, словно она хочет, чтобы он ушел… А почему?.. Потому что она почувствовала, как ему не хотелось до нее дотрагиваться, и уже успела на это обидеться?.. Но разве ему так уж и не хотелось? В отчаянии он провел пальцем вдоль ее позвоночника. Она застыла, зажав рукоять щетки в одной руке, а зубчики угнездив в другой, глядя все так же прямо перед собой. Колин наклонился вперед и поцеловал ее в затылок и, когда она и на сей раз не откликнулась, с шумным вздохом пересек комнату и вернулся на балкон.

Колин устроился в кресле. Над ним был объе-

мистый купол чистого неба, и он вздохнул опять, на сей раз удовлетворенно. Рабочие на баржах оставили свои инструменты и стояли теперь кучкой, курили, глядя на закат. В гостиничном кафе-понтоне уже собралась публика, вечерний аперитив, и голоса за столиками звучали приглушенно и ровно. Позванивал в стаканах лед, каблуки расторопных официантов механически выщелкивали по палубе. Колин встал и принялся смотреть вниз на идущих по улице прохожих. Туристы, в значительной мере пожилые, в лучших своих летних костюмах и платьях, с замедленностью рептилий вышагивали по тротуару. Время от времени какая-нибудь пара останавливалась, чтобы с благосклонным видом поглазеть на завсегдатаев, выпивающих в кафе-понтоне на фоне гигантского задника: закат и крашенная красным вода. Некий престарелый джентльмен поставил на авансцене жену и полуприсел на тоненьких дрожащих ножках, чтобы сделать снимок. Завсегдатаи за ближайшим столиком тут же с улыбками подняли стаканы и развернулись в кадр. Но фотограф, противник постановочных сцен, встал и размашистым жестом свободной руки попытался загнать их обратно на тропу бездумного и бессознательного времяпрепро-

вождения. И только когда завсегдатаи, все как один молодые люди, потеряли к происходящему всякий интерес, старик снова поднял фотоаппарат и еще раз присел на не слишком послушных ногах. Теперь, однако, подвела жена: она отошла на несколько шагов в сторону и с интересом рассматривала что-то лежащее у нее на ладони. Он застал ее в тот самый момент, когда она разворачивалась к объективу спиной, заливая в открытый ридикюль последние лучи солнца. Муж окликнул ее довольно резко, и она послушно вернулась в изначальную позицию. Решительный щелчок застежки на сумочке вернул молодых людей к жизни. Они картинно откинулись на спинки стульев, снова подняли стаканы и расцвели широкими невинными улыбками. С тихим стоном раздражения старик схватил жену за запястье и утянул ее прочь, молодые же люди, которые едва заметили самый факт их исчезновения, в очередной раз переадресовали улыбки и тосты друг другу.

На балкон, накинув на плечи вязаную кофту, вышла Мэри. Колин, в преувеличенном возбуждении забыв о еще не изжитой неловкой ситуации, тут же принялся пересказывать ей разыгравшуюся внизу на улице драматическую

сценку. Пока он говорил, она стояла у балконной стены и смотрела на закат. Когда он указал ей на молодых людей за столиком, взгляда она не перевела, но все-таки кивнула, едва заметно. У Колина никак не получалось воспроизвести то легкое недопонимание, в котором, судя по его словам, именно и состояла соль всей этой истории. Вместо этого он поймал себя на том, что раздувает из бытового сюжета целый водевиль, вероятно, в попытке завладеть вниманием Мэри. Пожилого джентльмена он изобразил «невероятно старым и дряхлым», жену — «совершенно слетевшей с катушек», мужчины за столиком сделались «тупорылыми недоумками», а мужа он в конце концов заставил разразиться «невероятным припадком ярости». По правде говоря, слово «невероятный» как-то само собой подворачивалось ему чуть не на каждом шагу, может, оттого, что он боялся, что Мэри ему не верит, а может, оттого, что он сам себе не верил. Когда он закончил, Мэри изобразила полуулыбку и короткое «мм».

Потом они стояли в нескольких футах друг от друга и молча смотрели по-над водой. От большой церкви на другом берегу широкого канала, в которую они то и дело договаривались сходить, на фоне заката остался один только силуэт, а

ближе, на воде, какой-то человек в маленькой лодке сунул бинокль в футляр и встал на колени, чтобы завести подвесной мотор. Над головой у них и чуть левее вспыхнула зеленая неоновая вывеска гостиницы с резким агрессивным треском, который тут же перешел в ровное низкое гудение. Мэри напомнила Колину, что дело к ночи и надо бы выйти поскорее, пока не закрылись рестораны. Колин согласился, но никто из них не двинулся с места. Потом Колин сел в одно из пляжных кресел, а вскоре и Мэри последовала его примеру. Еще одна короткая пауза, и их руки как-то разом потянулись друг к другу. Тихое пожатие в ответ на тихое пожатие. Они сдвинули кресла и принялись шепотом извиняться друг перед другом. Колин дотронулся до груди Мэри, она повернулась и поцеловала его сперва в губы, а потом, этак ласково, по-матерински, в нос. Они перешептывались и целовались, встали, чтобы обняться, и вернулись в спальню, чтобы раздеться в полумгле.

Их взаимная страсть давно утратила былой накал. И радости ее заключались теперь в неторопливо-доверительной манере, в привычности ритуалов и производимых действий, в надежной, до миллиметра, притертости тел — уютной,

как если бы отливку возвратили в форму. Они дарили себя друг другу неспешно и щедро, не требуя невозможного и почти не производя шума. Их любовные игры не имели ясно выраженного начала или конца и часто завершались или прерывались сном. Мысль, что им друг с другом скучно, они отвергли бы с возмущением. Они привыкли повторять, что порой им трудно представить другого как отдельного человека, а не часть целого. Глядя друг на друга, они гляделись в замутненное дыханием зеркало. Когда они говорили о сексуальных ролях, а иногда с ними и впрямь такое случалось, они говорили не о себе. Эта глубинная связь именно и делала каждого из них уязвимым, и чересчур чувствительным в отношении другого, и легко ранимым всякий раз, как обнаруживалось, что нужды и интересы у них разные. Молчание было одним из способов продолжить спор, а в моменты примирения, вроде вот этого, чувства расцветали полнее всего, и оба испытывали при этом глубочайшую благодарность.

Они подремали, потом впопыхах принялись одеваться. Колин ушел в ванную, Мэри вернулась на бал кон и стала ждать. Гостиничную вывеску выключили. Улица внизу опустела, а

на понтоне два официанта убирали стаканы и чашки. Несколько посетителей еще сидели за столиками, но никто ничего не пил. Колин и Мэри ни разу не выходили из гостиницы так поздно, и многое из того, что случилось впоследствии, Мэри была склонна приписывать именно этому обстоятельству. Она нетерпеливо вышагивала по балкону, вдыхая душный запах герани. Все рестораны уже закрылись, но на дальней оконечности города был — если они сумеют его отыскать — ночной бар, и там снаружи стоял иногда человек с тележкой и продавал хот-доги. Когда ей было тринадцать лет и она еще не выросла из привычной роли прилежной, добросовестной школьницы, одержимой разного рода идеями насчет самосовершенствования, у нее была специальная записная книжка, в которой она по воскресеньям, вечером, записывала себе задания на неделю вперед. Задания были несложные, вполне выполнимые, и у нее возникало особое, привычно-успокаивающее чувство, когда она по ходу недели ставила напротив них галочки: поупражняться на виолончели, быть повнимательней к маме, дойти до школы пешком и сэкономить на автобусе. Теперь она мечтала об этом уютном чувстве, о том, чтобы течение

времени и происходящие события можно было бы контролировать — хотя бы отчасти. Она как лунатик переходила из одного момента времени в другой, и целые месяцы утекали прочь, не оставляя по себе никакого следа, ни малейшего отпечатка ее сознательной воли.

— Ты готова? — окликнул ее Колин.

Она вошла в комнату и закрыла за собой застекленную дверь. Потом взяла со столика ключ, заперла номер и пошла по темной лестнице вслед за Колином.

Глава вторая

По всему городу, на слиянии главных улиц или по углам самых людных площадей, стояли маленькие аккуратные лотки либо киоски, Днем задрапированные газетами и журналами на разных языках и покрытые чешуей открыток с красивыми видами, детишками, зверюшками и женщинами, которые улыбаются, если чуть-чуть повернуть открытку.

В каждом киоске, едва различимый за крохотным окошком, чуть ли не в полной тьме, сидел продавец. Здесь можно было купить сигареты, так и не поняв, кто тебе их продал: мужчина или женщина. Единственное, что успевал зафиксировать покупатель: южные темно-карие глаза, бледную ладонь и пару невнятных слов благодарности. В каждом квартале киоск служил центром местных интриг и сплетен; здесь оставляли записки и маленькие свертки. Но туристы, которые пытались спросить дорогу, удостаивались в ответ небрежного жеста в сторону полочки с картами, которую и впрямь легко было не заметить среди кричащих журнальных обложек.

Карты в продаже были самые разные. Самые ненадежные преследовали чисто коммерческие цели: если не считать нескольких общеизвестных туристических достопримечательностей, основное место на них было отведено магазинам или ресторанам. На этих картах были отмечены только самые главные улицы. Еще одна карта была сделана в виде дурно отпечатанной брошюрки, и здесь, как убедились Мэри и Колин, не составляло никакого труда запутаться, переходя от страницы к странице. Затем была еще дорогая, утвержденная местными властями карта; она вмещала весь город и называла по именам даже самые узкие переулки. В развернутом состоянии она занимала три фута на четыре, напечатана была на тончайшей бумаге, и без подходящего стола и специальных зажимов пользоваться ею *на* улице было никак не возможно. И наконец, была еще одна серия карт в приметных бело-голубых полосатых обложках: здесь город был поделен на пять вполне представимых частей, которые, к сожалению, между собой не пересекались. Гостиница была в верхней части карты номер два, дорогой дрянной ресторанчик — в самом низу карты номер три. Бар, к которому они сейчас направлялись, находился в центре карты

номер четыре, и только когда они прошли мимо закрытого и заложенного на ночь ставнем киоска, Колин спохватился, что они не захватили с собой карты, без которых наверняка заплутают.

Однако вслух он об этом не сказал. Мэри шла на несколько шагов впереди него, неторопливо и ровно, как будто отмеряла дистанцию. Она скрестила руки на груди, чуть склонила голову, размышляя о своем. Узкий переулок вывел их на большую, уныло освещенную площадь, мощенную булыжником, в центре которой стоял памятник жертвам войны: массивные, грубо отесанные гранитные глыбы, сложенные в виде гигантского куба, а наверху солдат отбрасывает винтовку. Место знакомое, едва ли не все свои экспедиции они начинали именно отсюда. Однако если не считать мужчины, который складывал стоящие возле кафе стулья и за которым внимательно наблюдала собака, и еще одного мужчины на дальней стороне, площадь была пуста.

Они пересекли ее по диагонали и вступили на более широкую улицу, застроенную магазинами, где продавались телевизоры, кухонные машины и мебель. Каждый магазин как будто нарочно старался выставить напоказ систему охранной сигнализации. Дорожного движения в городе не

было по определению, и оттого туристы обретали свободу теряться где и как им заблагорассудится. Они переходили через улицы, не глядя по сторонам, и, повинуясь внезапному импульсу, ныряли в переулок просто потому, что он заманчиво уходил куда-то во тьму, или потому, что их потянуло на запах жареной рыбы. Табличек на стенах не было. Приезжие, если не шли к какой-то заранее заданной цели, выбирали дорогу примерно также, как выбирают цвет при покупке, и даже то, как они обычно терялись в городе, было результатом ряда сделанных предпочтений, выражением их свободного волеизъявления. А если выбор делают двое? Колин глядел Мэри в спину. Фонарный свет выбелил ее блузку, и на фоне старых почерневших стен она мерцала, вся серебро и сепия, как призрак. Ее хрупкие лопатки, двигаясь в такт медленному шагу, рождали на поверхности шелковой блузки веерную рябь морщинок, а волосы, часть которых она подхватила на затылке заколкой-бабочкой, раскачивались взад-вперед над плечами и шеей.

Она остановилась у витрины универмага и стала рассматривать огромную кровать. Колин поравнялся с ней, помедлил секунду, потом пошел дальше. Два манекена, один одетый в

бледно-голубую шелковую пижаму, другой — в едва прикрывающей бедра ночной рубашке, отделанной розовым кружевом, лежали среди изысканно измятых простыней. Витрину еще не успели до конца оформить. Манекены делались по одному шаблону, оба лысые, с роскошно-удивленными улыбками на лицах. Они лежали на спине, но по тому, как были расположены части тел — каждый прижимал к нижней челюсти неловко согнутую руку, — было понятно, что лежать они должны на боку и преданно глядеть друг на друга. Но остановилась Мэри, собственно, затем, чтобы рассмотреть изголовье. Покрытое черным пластиком, оно примерно на фут выдавалось по обе стороны от кровати. Дизайн, по крайней мере на пижамной стороне, должен был напоминать о панели управления электростанции или, может быть, о приборной панели небольшого самолета. В глянцевитый пластик были вделаны телефон, электронные часы, выключатели и реостаты, кассетный магнитофон и радиоприемник, маленький бар-холодильник и ближе к центру, как округленные от удивления глаза, два вольтметра. На дамской стороне, относительно менее загруженной, доминировало овальное с розоватым отливом зеркало. Еще там

был встроенный шкафчик для косметики, журнальная полка и переговорное устройство для связи с детской спальней. На верхней крышке холодильника лежал чек с надписанной датой (в следующем месяце), названием универмага, внушительной суммой и размашистой подписью. Мэри заметила, что манекен в пижаме держит в руке авторучку. Она отошла на пару шагов, и неровность в витринном стекле заставила фигуры пошевелиться. Затем они опять успокоились, бессмысленно растопырив руки и ноги, как насекомые, застигнутые действием яда. Она повернулась к витрине спиной. Колин был уже шагах в пятидесяти, на другой стороне улицы. Ссутулившись и засунув руки глубоко в карманы, он смотрел на каталог образцов ковровой ткани, методично раскрывающий перед потенциальным покупателем новые страницы. Она поравнялась с ним, и оба молча двинулись дальше, пока не дошли до развилки в конце улицы и не остановились.

Колин участливо сказал:

— Знаешь, я пару дней назад тоже разглядывал эту кровать.

На углу стояло здание, которое когда-то, видимо, было весьма впечатляющим особняком, —

настоящий дворец. Из-под ржавеющего балкона второго этажа пялилась вниз шеренга каменных львов. Высокие стрельчатые окна, обрамленные по бокам колоннами в филигранных каннелюрах и старческих оспинах, были заделаны листами гофрированной жести и сплошь заклеены объявлениями. Большая часть плакатов и лозунгов принадлежала феминисткам и левакам, еще несколько — каким-то местным группам, выступающим против реконструкции здания. На самом верху, над окнами третьего этажа, висел деревянный щит с выписанным красными буквами названием сети магазинов, которая приобрела это строение, и, чуть ниже, в кавычках, девиз по-английски: «Магазин, который на первое место ставит вас!» Возле массивной парадной двери, похожие на слишком усердных покупателей, выстроились в очередь пластиковые мешки с мусором. Колин упер руки в боки, внимательно прошелся взглядом вдоль одной улицы, потом сделал несколько шагов в сторону, чтобы оглядеть другую.

— Зря мы не захватили с собой эти чертовы карты.

Мэри поднялась на несколько ступенек к парадной двери и принялась читать листовки.

— А женщины здесь настроены куда решительнее, — сказала она через плечо, — и лучше организованы.

Колин сделал шаг назад, чтобы сравнить две улицы. Обе длинные, прямые, лишь где-то вдали они постепенно заворачивали, уводя в разные стороны.

— У них куда больше оснований бороться за свои права, — сказал он. — Мы ведь уже здесь были, случайно не помнишь, куда мы пошли дальше?

Мэри с трудом пыталась перевести довольно длинную прокламацию.

— А? Куда? — спросил Колин, едва заметно повысив голос.

Мэри, нахмурившись, водила пальцем вдоль напечатанных жирным шрифтом строчек, а когда добралась до конца, издала торжествующий возглас. Она обернулась и улыбнулась Колину.

— Они требуют, чтобы осужденных за изнасилование кастрировали!

Он сдвинулся немного в сторону, чтобы получше рассмотреть ту улицу, что справа.

— А за кражу отрубать руки? Слушай, я уверен, что мы уже проходили мимо вон того питьевого фонтанчика, по пути в тот самый бар.

Мэри повернулась к плакатам спиной.

— Нет. Это чисто тактический ход. Для того чтобы заставить людей воспринимать изнасилование всерьез, как настоящее преступление.

Колин снова сделал шаг в сторону и стоял, уверенно расставив ноги и глядя на ту улицу, что слева. На ней тоже был фонтанчик для питья.

— Это хороший способ, — раздраженно откликнулся он, — сделать так, чтобы люди не воспринимали всерьез самих феминисток.

Мэри скрестила на груди руки, постояла немного, а потом медленно пошла по улице, уводящей направо. Шагу нее был все тот же, неторопливый и аккуратный.

— Виселицу люди воспринимают достаточно серьезно, — сказала она. — Жизнь за жизнь.

Колин беспокойно посмотрел ей вслед.

— Мэри, погоди, — окликнул он ее. — Ты уверена, что нам туда?

Она кивнула, не оборачиваясь. Вдалеке, выхваченная на секунду из мглы светом уличного фонаря, мелькнула одинокая человеческая фигура, движущаяся им навстречу. Колина это почему-то успокоило, и он догнал Мэри.

Эта улица тоже была достаточно богатая, но магазины здесь стояли тесно и торговали экс-

клюзивным товаром: можно было подумать, что каждый открыли специально для того, чтобы продать одну-единственную вещь: в одном — пейзаж, забранный в золотую раму и откровенно нуждающийся в реставрации, в другом — туфлю ручной работы, чуть дальше — водруженную на бархатный пьедестал одинокую линзу для фотоаппарата. Питьевой фонтанчик, в отличие от большинства других в этом городе, действительно работал. Пользовались им не первую сотню лет, и ступенька из темного камня, на которой он стоял, была окатана и отполирована по краю, так же как и край большой каменной чаши. Мэри подставила лицо под потускневший медный кран и стала пить.

— А у воды здесь, — сказала она в паузе между глотками, — привкус рыбы.

Колин смотрел вперед, ждал, когда под фонарем в очередной раз возникнет приближающаяся человеческая фигура. Но так ничего и не дождался, кроме едва различимого быстрого движения вдалеке, в дверном проеме: это могла оказаться и кошка.

В последний раз они ели двенадцать часов назад, купив тарелку мелкой жареной рыбы, одну на двоих. Колин взял Мэри за руку.

— Ты не помнишь, он продает что-нибудь кроме хот-догов?

— Шоколад? Орешки?

Они пошли быстрее, и шаги их звонко и слитно резонировали от мостовой, так, словно шел один человек.

— Одна из гастрономических столиц мира, — сказал Колин, — а мы идем за две мили, чтобы купить хот-доги.

— Мы же в отпуске, — напомнила ему Мэри, — ты что, забыл?

Он шлепнул себя свободной рукой по лбу:

— Ну да, конечно. Разве можно размениваться на такие мелочи, как голод и жажда? Мы же отдыхаем.

Они разняли руки, и Колин начал на ходу что-то напевать себе под нос. Улица сузилась, и вместо магазинов по обеим сторонам теперь тянулись высокие темные стены, прорезанные через неравные интервалы глубокими нишами дверных проемов и окнами, маленькими и квадратными, расположенными высоко от земли и зарешеченными крест-накрест.

— Это стекольный завод, — сказала Мэри, довольная тем, что узнала это место. — Мы пытались сюда попасть в самый первый день.

Они замедлили шаг, но не остановились.

Колин заметил:

— Должно быть, мы зашли с какой-то другой стороны, потому что здесь я ни разу не был.

— Возле одной из этих дверей была очередь, мы стояли и ждали.

Колин развернулся к ней, недоуменно и раздраженно.

— Нив какой это было не в первый день, — заявил он, почему-то повысив голос. — Ты все перепутала. Мы увидели эту очередь и решили, что лучше пойдем на пляж, а на пляже мы в первый раз оказались на третий день.

Колин остановился, чтобы все это сказать, но Мэри пошла дальше. Он догнал ее, чуть не вприпрыжку.

— Может, и на третий, — голос у нее был такой, как будто она говорила сама с собой, — но были мы именно здесь.

Она указала на дверной проем в нескольких шагах впереди, и, словно по мановению волшебной палочки, приземистая фигура сделала шаг из темноты в круг фонарного света и перегородила им дорогу.

— А теперь посмотри, что ты наделала, — пошутил Колин, и Мэри рассмеялась.

Мужчина тоже засмеялся и протянул руку.

— Вы туристы? — спросил он по-английски, как будто даже немного смущаясь тем, насколько отточенное у него произношение, а потом расплылся в улыбке и сам ответил на свой вопрос: — Ну да, конечно, а кто же вы еще.

Мэри остановилась прямо перед ним и сказала:

— Мы просто ищем место, где можно перекусить.

Колин тем временем пытался протиснуться мимо мужчины.

— Мы не обязаны давать объяснения, — быстро сказал он Мэри.

Он еще не успел договорить эту фразу до конца, как мужчина сердечнейшим образом взял его за руку и тут же протянул другую, чтобы подхватить Мэри под локоть. Она скрестила руки на груди и улыбнулась.

— Да ведь ночь на дворе, — сказал мужчина. — В той стороне вы ничего не найдете, но, если мы пойдем в эту сторону, я покажу вам одно местечко, совершенно замечательное местечко.

Он осклабился и кивнул в том направлении, откуда они пришли.

Ростом он был ниже Колина, но руки — необы-

чайно длинные и мускулистые. Ладони тоже были большие, покрытые по тыльной стороне спутанными волосами. На нем была облегающая, по фигуре, черная рубашка из какого-то искусственного полупрозрачного материала, расстегнутая чуть не до пояса аккуратным латинским V. На шее цепочка с золотым кулоном в виде бритвенного лезвия, который — немного наискось — покоился на подложке из густой курчавой шерсти. Через плечо у него висел фотоаппарат. По узкой улочке пополз приторный запах лосьона.

— Послушайте, — сказал Колин, пытаясь убрать с локтя чужую руку так, чтобы это не выглядело откровенной грубостью, — мы знаем, что там есть где перекусить.

Хватка была не сильная, но настойчивая: два пальца, большой и средний, кольцом вокруг запястья Колина.

Мужчина набрал полную грудь воздуха и, казалось, стал выше сразу на пару дюймов.

— Все закрыто, — звучно возгласил он. — Даже киоск с хот-догами.

Он посмотрел на Мэри и подмигнул ей:

— Меня зовут Роберт.

Мэри стряхнула его руку; Роберт начал подталкивать их в нужную сторону.

— Прошу вас, — настаивал он, — вам наверняка там понравится.

Колин сказал:

— Знаете что, уберите-ка руки и от меня тоже.

Но Роберт извиняющимся тоном пытался объясниться с Мэри:

— Я просто хочу помочь. Я могу показать вам очень хорошее заведение.

Они снова тронулись с места.

— Нас не нужно *силой* тащить к хорошей еде, — сказала Мэри, и Роберт кивнул.

И дотронулся до лба:

— Я… я…

— Погодите минуту, — перебил его Колин.

— …всегда рад возможности поупражняться в английском. Может быть, иногда чересчур. Когда-то я говорил по-английски совершенно свободно. Сюда, прошу вас.

Мэри уже сделала несколько шагов. Роберт и Колин пошли следом.

— Мэри, — окликнул ее Колин.

— Английский, — сказал Роберт, — такой красивый язык, полный недоразумений.

Мэри улыбнулась через плечо. Они опять вышли к большому особняку на развилке двух улиц. Колин остановился и рывком высвободил руку.

— Прошу прошения, — сказал Роберт.

Мэри тоже остановилась и снова принялась изучать листовки. Роберт проследил за ее взглядом: она смотрела на грубо намалеванный красной краской по трафарету кулак, заключенный в эмблему, которой орнитологи обозначают самку птицы. Тон у него снова сделался извиняющимся, складывалось такое впечатление, что он готов принять на себя ответственность за каждое слово, которое они прочтут на этой стене.

— Бывают такие женщины, которые не могут найти себе мужчину. Они хотят разрушить все, что есть хорошего между мужчиной и женщиной. — И добавил как нечто само собой разумеющееся: — Они слишком уродливые.

Мэри посмотрела на него как на картинку в телевизоре.

— Ну вот, — сказал Колин, — позвольте представить вам местную оппозицию.

Она улыбнулась обоим — ласково.

— Давайте наконец пойдем и разыщем эту вашу хорошую еду, — сказала она, перебив на полуслове Роберта, который уже ткнул пальцем в другую какую-то листовку и начал было что-то объяснять.

Они свернули на левую улицу и шли десять

минут; все это время громогласные попытки Роберта завязать разговор наталкивались на молчание, замкнутое со стороны Мэри — она снова скрестила руки на груди, — а со стороны Колина слегка враждебное — он старался держаться от Роберта подальше. Они нырнули в переулок и по стоптанным ступенькам спустились на крошечную площадь, едва ли тридцати футов в ширину, на которую выходило с полдюжины еще более узких проулков.

— Я живу вон там, — сказал Роберт, — неподалеку отсюда. Но вас к себе сейчас пригласить не могу. Слишком поздно. Жена уже спит.

Они еще несколько раз сворачивали направо и налево, проходя между покосившимися пятиэтажными домами и закрытыми лавками зеленщиков, возле которых стояли составленные в штабель ящики с овощами и фруктами. Из темноты возник лавочник в переднике, с тележкой, уставленной картонными коробками, и окликнул Роберта, тот в ответ рассмеялся, покачал головой и поднял руку. Когда они дошли до ярко освещенного дверного проема, Роберт откинул в сторону пожелтевшие пластиковые полоски висячей ширмы и пропустил Мэри вперед. Пока они спускались по довольно крутой лесенке в

тесный и переполненный людьми бар, его рука лежала на плече Колина.

На высоких табуретах возле стойки сидела плотная группа молодых людей, одетых также, как Роберт; еще несколько, в одинаковых позах — весь вес перенесен на одну ногу, — собрались вокруг громоздкого, сплошь изысканно выгнутые линии и хромированные завитушки, музыкального автомата. Откуда-то из глубин машины сочился густой и насыщенный синий свет, придавая лицам этой второй группы нездоровый оттенок. Казалось, что все одновременно либо курят, либо гасят окурки быстрым, решительным движением, либо вытягивают шею вперед и надувают губы, чтобы прикурить сигарету от протянутой зажигалки. Поскольку одежда на всех была обтягивающая, каждый держал сигарету в одной руке, а зажигалку и пачку в другой. Песня, которую все внимательно слушали — поскольку никто ни с кем не говорил, — была громкой и душераздирающе сентиментальной, в полной оркестровке, и в голосе у солиста регулярно появлялась надрывная нота, стоило ему перейти к довольно часто повторявшемуся припеву с сардоническим «ха-ха-ха»; в этом месте сразу несколько молодых людей поднимали сигареты

вверх и, стараясь не смотреть друг на друга, подпевали, хмуря лбы, каждый на своей надрывной ноте.

— Слава богу, что я не мужчина, — сказала Мэри и попыталась взять Колина за руку.

Роберт проводил их до столика и пошел к стойке. Колин сунул руки в карманы, качнулся на стуле и принялся разглядывать музыкальный автомат.

— Да брось ты, — сказала Мэри, легонько толкнув его в плечо. — Я пошутила.

Глава третья

Песня закончилась триумфальным симфоническим финалом и тут же началась снова. За стойкой упал и разлетелся вдребезги стакан; по залу тут же пробежала короткая рябь аплодисментов.

Роберт вернулся с большой, без этикетки бутылкой красного вина, тремя стаканами и двумя изрядно залапанными хлебными палочками, у одной из которых был обломан кончик.

— Сегодня, — с гордостью возгласил он, перекрывая гвалт, — заболел повар.

Он подмигнул Колину, сел и разлил вино по стаканам.

Роберт начал задавать им вопросы, и поначалу они отвечали нехотя. Они сказали ему, как их зовут, что они не женаты, что живут порознь, по крайней мере на данный момент. Мэри сообщила, сколько лет ее детям и какого они пола. Каждый объяснил, чем зарабатывает на жизнь. Затем, несмотря на отсутствие еды и не без помощи вина, они начали испытывать редко выпадающее на долю туриста удовольствие оттого, что

оказались в совершенно не туристическом месте — сделали открытие, обнаружили что-то взаправдашнее. Они расслабились, они с головой ушли в здешний шум и дым; они, в свою очередь, начали задавать серьезные, заинтересованные вопросы, как и положено туристам, благодарным за то, что им наконец удалось как следует поговорить с настоящим аборигеном. Бутылку они уговорили меньше чем за двадцать минут. Роберт рассказал им о том, что у него есть определенные деловые интересы, что вырос он в Лондоне, а жена у него канадка. Когда Мэри спросила, как он познакомился с женой, Роберт ответил, что это вообще не поддается какому бы то ни было объяснению, если не описать сперва его сестер и мать, а к ним, в свою очередь, подобраться можно только через отца. Стало ясно, что он готовит почву для того, чтобы поведать им историю своей жизни. «Ха-ха-ха» взвинтилось в очередном крещендо, и за столиком возле музыкального автомата мужчина с курчавыми волосами уронил лицо в сложенные лодочкой ладони. Роберт обернулся к стойке и крикнул, чтобы ему принесли еще одну бутылку вина. Колин разломил хлебные палочки на половинки и кивнул на них Мэри.

Песня закончилась, и по всему периметру

стойки завязались разговоры, сперва еле-еле, приятный легкий гул и шелест иноязычных гласных и согласных звуков; простые фразы, в ответ на которые звучало одно-единственное слово или просто невнятный звук; затем паузы, в случайном порядке или контрапунктом, за которыми следовали более сложные фразы, на более высокой ноте, предполагавшие куда более развернутый ответ. Менее чем за минуту в зале одновременно разгорелось несколько, судя по всему, весьма оживленных дискуссий, так, словно кто-то заранее собрал здесь самых завзятых спорщиков и вбросил полдюжины горячих тем. Если бы музыкальный автомат заиграл сейчас, никто бы его просто-напросто не услышал.

Роберт поставил стакан на стол, обхватил его обеими руками и принялся, затаив дыхание, его рассматривать, и от этого Колину и Мэри, которые внимательно за ним наблюдали, начало казаться, что и им тоже стало трудно дышать. Он выглядел старше, чем тогда, на улице. В косых лучах электрического света на лице у него проступил узор из едва ли не геометрически правильных, похожих на решетку морщин. Две линии, от основания ноздрей к уголкам рта: почти идеальный треугольник. Параллельные борозды

поперек лба, а дюймом ниже, под прямым углом к ним, у переносицы одна-единственная глубокая складка плоти. Он едва заметно кивнул сам себе и выдохнул, и его массивные плечи опали. Мэри и Колин подались вперед, чтобы не пропустить начальных слов истории.

— Всю свою жизнь мой отец был дипломатом, и долгие, долгие годы подряд мы жили в Лондоне, в Найтсбридже. Но в детстве я был лентяем, — улыбнулся Роберт, — и мой английский до сих пор далек от совершенства. — Он сделал паузу, как будто ждал, что его сейчас же бросятся опровергать. — Мой отец был большим человеком. Я был самым младшим из его детей и единственным сыном. Когда он садился, то садился вот так. — Роберт принял свою прежнюю, напряженную, с прямой спиной позу и аккуратно опустил руки на колени. — Всю жизнь отец носил вот такие усики, — указательным и большим пальцами Роберт отмерил под носом примерно дюйм, — а когда они начали седеть, он пользовался такой маленькой щеточкой для того, чтобы их подкрашивать, какими женщины подкрашивают глаза. Тушью. Все его боялись. Моя мать, мои сестры, даже посол боялся моего отца. Если он хмурил брови, никто не решался и рот открыть. За обе-

денным столом говорить было можно только в том случае, если спервa к тебе обратился отец.

Роберт заговорил громче, чтобы перекрыть царящий вокруг гомон:

— Каждый вечер, когда ожидался прием и мама уходила одеваться, нам надлежало сидеть смирно, помня об осанке, и слушать, как отец читает нам вслух.

Каждое утро он поднимался из постели в шесть часов и шел в ванную бриться. Никому не разрешалось вставать с постели, пока он не закончит. Когда я был совсем маленьким, я всегда вскакивал сразу вслед за ним и быстро бежал к ванной, чтобы застать там его запах. Запах, прошу прощения, был ужасный, но его забивали запахи мыла и мужского парфюма. Даже теперь для меня запах одеколона — это запах моего отца.

Я был его любимчиком, я был его страстью. Я помню — может быть, это происходило не раз и не два, — тогда моим старшим сестрам, Эве и Марии, было четырнадцать и пятнадцать лет, и за ужином они принимались упрашивать его: «Пожалуйста, папа. Ну пожалуйста!» И на любую просьбу он отвечал: «Нет!» Им нельзя было отправиться на экскурсию вместе с одноклассниками, потому что там будут мальчики. Перестать

носить белые гольфы было никак не возможно. Сходить вечером в театр можно было только в том случае, если мама тоже согласится пойти. Непозволительно было оставить ночевать подругу, потому что она оказывает на них дурное влияние и никогда не ходит в церковь. Затем как-то вдруг отец оказывался за спинкой моего стула — а сидел я всегда рядом с мамой — и принимался хохотать во все горло. Он подхватывал у меня с колен салфетку и засовывал мне ее за воротник рубашки. «Смотрите! — говорил он. — Вот следующий глава семьи. И вам следует заранее запомнить, что решения здесь принимает Роберт!» После чего он заставлял меня решать спорные вопросы, и все это время его рука лежала у меня вот здесь и сжимала мне шею. Отец говорил: «Роберт, можно этим барышням носить шелковые чулки, как у мамы?» И я, десятилетний, выкрикивал что есть силы: «Нет, папа!» — «А можно им без мамы ходить в театр?» — «Ни в коем случае, папа», — «Роберт, можно, их подружка останется у нас ночевать?» — «Ни за что на свете, папа!»

Я гордился своими ответами, понятия не имея о том, что меня просто используют. Может, это и было всего один раз. Я бы с радостью исполнял этот номер каждый вечер. А затем отец шел обрат-

но, туда, где во главе стола стоял его собственный стул, и на лице у него появлялось скорбное выражение. «Мне очень жаль, Эва, Мария, я уж было совсем решил передумать, но раз уж Роберт так решил, значит, так тому и быть». И он начинал смеяться, и я смеялся вместе с ним; я верил всему, каждому слову. Я хохотал до тех пор, пока мама не клала мне руку на плечо и не говорила: «Ш-ш-ш, тише, Роберт, замолчи».

Итак! Как же должны были мои сестры ко мне относиться? Следующий случай произошел лишь однажды, это я помню наверняка. Дело было на выходные, и всю вторую половину дня дома никого не было. Я отправился в родительскую спальню все с теми же двумя сестрами, Эвой и Марией. Я сидел на кровати, а они подошли к туалетному столику мамы и вытащили наружу все, что там было. Сперва они накрасили ногти и стали размахивать руками в воздухе, чтобы лак высох. Потом принялись накладывать себе на лица крем и пудру, они накрасили губы, они стали выдергивать волоски из бровей и красить ресницы тушью. Они велели мне закрыть глаза, а сами тем временем стили белые гольфы и надели вынутые из маминого ящичка чулки. А потом они просто стояли, две очень красивые женщи-

ны, и смотрели друг на друга. А потом еще целый час бродили по дому, оглядываясь через плечо на каждое зеркало или просто на оконное стекло, кружились, кружились, кружились в центре гостиной или садились этак осторожно на самый краешек кресла и поправляли волосы. И всюду я ходил за ними как тень и все это время смотрел на них, ходил и смотрел. «Правда, мы красавицы, а, Роберт?» — говорили они. Они понимали, что я совсем растерялся, потому что передо мной были уже не мои сестры, а две американские кинозвезды. Они были в восторге от самих себя. Они смеялись и целовались, потому что теперь они были две самые настоящие женщины.

Потом, ближе к вечеру, они пошли в ванную и все с себя смыли. В ванной они попрятали все баночки и скляночки и открыли окна, чтобы мама не почувствовала запаха своих собственных духов. Они аккуратно сложили чулки и подвязки и убрали их на место, в том самом порядке, в котором все лежало раньше. Они закрыли окна, мы спустились вниз и стали ждать, когда вернется мама, и все это время я просто места себе не находил от возбуждения. Ни с того ни с сего эти прекрасные женщины снова превратились в моих сестер, долговязых школьниц.

Потом настало время ужина, а я все не мог успокоиться. Сестры вели себя так, словно ничего не случилось. А мне все время казалось, что отец на меня смотрит. Я поднял глаза, и он тут же заглянул сквозь них прямо мне в душу. Очень медленно он отложил в сторону нож и вилку, прожевал и проглотил все, что было у него во рту, и сказал: «Расскажи-ка мне, Роберт, что ты делал сегодня днем?» И я понял, что он все знает, как Бог. И что он испытывает меня, чтобы понять, достаточно ли я честен, чтобы сказать правду. Так что лгать не имело смысла. Я рассказал ему все: про помаду, пудру, кремы и духи, про чулки из маминого ящичка, а еще я ему рассказал, так, словно этим можно было все оправдать, о том, как аккуратно сестры все за собой убрали. Я упомянул даже про окно. Поначалу сестры смеялись и отрицали все, что я говорил. Но я вспоминал все новые и новые подробности, и они замолчали. Когда я закончил, отец сказал просто: «Спасибо, Роберт» — и вернулся кеде. До самого конца ужина никто за столом не сказал ни слова. Я не осмеливался даже посмотреть в ту сторону, где сидели сестры.

После ужина, прямо перед тем как мне нужно было ложиться спать, отец вызвал меня к себе

в кабинет. Туда никогда никого не пускали, там хранились все государственные тайны. Это была самая большая комната в доме, потому что иногда отец принимал там других дипломатов. Окна и темно-красные бархатные шторы занимали всю стену, от пола до потолка, а на потолке были золотые листья и большие круглые узоры. И люстра. Повсюду стояли стеклянные шкафы с книгами, а пол был мягкий, потому что на нем лежали ковры со всех концов света, а некоторые даже висели на стенах. Отец коллекционировал ковры.

Он сидел за огромным столом, на котором лежали бумаги, а перед ним стояли две мои сестры. Он велел мне сесть на другом конце комнаты в большое кожаное кресло: раньше оно принадлежало моему деду, который тоже был дипломатом. Все молчали. Как в немом кино. Отец достал из ящика стола кожаный ремень и стал бить сестер — по три очень сильных удара каждой пониже спины, — и ни Эва, ни Мария не проронили ни звука. И вдруг я оказался снаружи. Перед запертой дверью. Сестры ушли каждая в свою комнату плакать, а я поднялся по лестнице к себе в спальню, и на этом все кончилось. Отец больше не упоминал об этом случае.

Н-да, сестры. Они меня ненавидели. Они спали и видели, как бы мне отомстить. Я думаю, еще несколько недель после того случая они ни о чем другом между собой вообще не говорили. Все произошло, когда в доме опять никого не осталось, ни родителей, ни повара, — примерно через месяц после того, как сестер выпороли, а может быть, и больше. Но сначала я должен вам сказать еще одну вещь: несмотря на то что я был любимчиком, существовала уйма строго-настрого запретных для меня вещей. В особенности это касалось сладостей, как еды, так и напитков: ни шоколада, ни лимонада. Дед никогда не позволял отцу есть сладкое, за исключением фруктов. Это вредно для желудка. Но самое главное, что сладости, и в особенности шоколад, очень дурно влияют на мальчиков. От них характер становится слабым, как у девчонок. Может, это и правда, только наукой пока не доказано. А еще отец очень заботился о моих зубах, ему хотелось, чтобы зубы у меня были совсем как у него, идеальными. Вне дома мне время от времени перепадали сладости от других мальчиков, но дома я даже в глаза их не видел.

В тот день я был в саду; ко мне подошла Алиса, самая младшая из моих сестер, и сказала: «Роберт,

Роберт, скорее иди на кухню. Там для тебя такое угощение! Эва и Мария устроили для тебя самый настоящий пир!» Поначалу я не хотел идти, потому что сразу заподозрил какой-то подвох. Но Алиса повторяла снова и снова: «Ну быстрей же, Роберт», — так что в конце концов я все-таки отправился на кухню, где меня ждали и Эва, и Мария, и Лиза, четвертая сестра. А на столе стояли две большие бутылки лимонада, торт с кремом, две упаковки кулинарного шоколада и большая коробка зефира. Мария сказала: «Это все тебе». Я тут же насторожился и спросил: «С чего бы это?» А Эва ответила: «Мы хотим, чтобы впредь ты был к нам добрее. Когда ты все это съешь, ты ведь уже не сможешь забыть о том, как хорошо мы к тебе относимся». Мне это показалось достаточно убедительным, а сладости выглядели такими вкусными, и вот, недолго думая, я уселся за стол и потянулся за бутылкой лимонада. Но Мария тут же перехватила мою руку. «Сначала, — сказала она, — ты должен выпить лекарство», — «Это еще зачем?» — «Ты же знаешь, что сладости вредны для твоего желудка. Если ты разболеешься, папа поймет, чем ты тут занимался, и у нас у всех будут большие неприятности. А от этого лекарства все будет так, как надо». Я открыл рот, и Мария влила

в меня четыре большие ложки какого-то масла. Вкус был отвратительный, но это было уже не важно, потому что я тут же накинулся на шоколад и на торт и стал запивать их лимонадом.

Сестры стояли вокруг стола и смотрели, как я ем. «Что, вкусно?» — время от времени спрашивали они, но ел я так быстро, что разговаривать было просто некогда. Я и впрямь поверил, что они заискивают передо мной потому, что знают: когда-нибудь я унаследую дедушкин дом. После того как я допил первую бутылку лимонада, Эва взяла со стола вторую и сказала: «Мне кажется, вторую он уже не осилит. Наверное, нужно ее убрать». И Мария тут же подхватила: «Да-да, конечно, убери ее. Только *мужчина* в состоянии выпить две бутылки лимонада подряд». Тогда я выхватил у сестры бутылку и сказал: «С чего это вы подумали, что я с ней не справлюсь?» И сестры в один голос ахнули: «Роберт, мы глазам своим не верим!» Естественно, я выпил ее до дна и не оставил ни крошки ни от шоколада, ни от зефира, ни от торта, а сестры стояли рядом и дружно хлопали в ладоши: «Браво, Роберт!»

Я попытался встать. Кухня закружилась у меня перед глазами, и мне вдруг страшно захотелось в туалет. Но тут вдруг Эва и Мария сшибли меня с

ног и прижали к полу. Я был слишком слаб, чтобы бороться с ними, а они были гораздо больше и сильнее меня. У них наготове был длинный кусок веревки, которым они и связали мне руки за спиной. А Лиза с Алисой все это время скакали вокруг и пели: «Браво, Роберт!» Потом Эва и Мария рывком поставили меня на ноги и тычками погнали вон из кухни, потом по коридору, через просторный холл — в отцовский кабинет. Они вынули вставленный с внутренней стороны ключ, захлопнули дверь и заперли ее снаружи. «До свидания, Роберт! — прокричали они мне в замочную скважину. — Теперь ты большой, теперь ты настоящий папа в настоящем кабинете».

Я стоял посреди этой огромной комнаты, под люстрой, и поначалу никак не мог понять, зачем меня сюда привели, а потом понял. Я попытался развязаться, но узлы были затянуты крепко. Я кричал, колотил в дверь ногами, бился о нее головой, но дом словно вымер. Я начал бегать из угла в угол, пытаясь найти хоть одно не застланное дорогими коврами местечко, но ковры были всюду. И в конце концов я не выдержал. Сперва пошел лимонад, а вскоре вслед за ним шоколад и торт, жидкие, как вода. На мне были короткие штанишки, как на обычном английском школьнике.

И вместо того чтобы стоять смирно и испортить всего один ковер, я носился по всей комнате, крича и рыдая, как будто отец уже дышал у меня за спиной.

В замке провернулся ключ, дверь распахнулась, и в комнату вбежали Эва и Мария. «Фу-у-у! — закричали они. — Ну, быстро, быстро! Папа идет». Они развязали веревку, снова вставили ключ с внутренней стороны и убежали, хохоча как безумные. И я услышал, как у парадного остановилась машина отца.

Поначалу я не мог даже сдвинуться с места. Потом сунул ржу в карман, вынул платок и пошел к стене — да-да, это осталось даже на стенах, даже на отцовском столе — и начал промокать старый персидский ковер. Потом я посмотрел на ноги: они были черными едва ли не сплошь. От платка не было никакого толку, он был слишком маленький. Я подбежал к столу и захватил пятерней какие-то бумаги: именно в этом виде и застал меня отец — вытирающим ноги мятой пачкой государственных документов, а пол в кабинете вокруг меня более всего напоминал самый настоящий свинарник. Я сделал по направлению к нему два шага, рухнул на колени, и меня вырвало едва ли не ему на самые туфли, и рвало меня дол-

го. Когда я остановился, он так и стоял в дверном проеме. В руке у него был портфель, а лицо не выражало ровным счетом ничего. Он посмотрел на то место, куда меня вырвало, и сказал: «Роберт, ты ел шоколад!» И я ответил: «Да, папа, но…» Но этого было довольно. Потом ко мне в комнату приходила мама, а утром пригласили психиатра, который сказал, что я перенес травму. Но отцу довольно было одного того, что я ел шоколад. Он порол меня каждый вечер, три дня подряд, и еще много месяцев я не слышал от него ни единого доброго слова. Долгие, долгие годы мне не разрешалось заходить к нему в кабинет, пока я не вошел туда со своей будущей женой. И до сей поры я в рот не беру шоколада, и сестер я тоже так и не простил.

Все то время, пока я был вне закона, единственным человеком в доме, который со мной разговаривал, была мама. Она настояла на том, чтобы отец бил меня не слишком сильно и не больше трех раз, по вечерам. Она была высокая и очень красивая. Чаще всего она носила белое: белые блузки, белые шарфики, белые шелковые платья на дипломатических приемах. Лучше всего я помню ее именно в белом. По-английски она говорила очень медленно, но все делали ей

комплименты за то, какая правильная и какая элегантная у нее речь.

В детстве мне часто снились дурные сны, очень дурные. А еще я ходил во сне, впрочем, это и сейчас иногда со мной случается. Я постоянно просыпался посреди ночи после очередного кошмара и тут же звал ее: «Мам!» — совсем как мальчики-англичане. И было такое впечатление, что она лежит и ждет, когда я ее позову, потому что в ту же самую секунду в дальнем конце коридора, где была родительская спальня, раздавался скрип пружин, зажигался свет и — еле слышный звук: хрустнула косточка в ее босой ступне. И каждый раз, когда она входила ко мне в комнату и спрашивала: «Что случилось, Роберт?» — я отвечал ей: «Можно мне стакан воды?» Я никогда не говорил: «Мне приснился страшный сон» или: «Я испугался». Всегда речь шла о стакане воды, который она приносила мне из ванной, а потом смотрела, как я пью. Потом она целовала меня в голову, вот здесь, и я тут же засыпал. Иногда это происходило из ночи в ночь, из месяца в месяц, но она никогда не оставляла стакана с водой возле моей постели. Она знала, что мне нужен предлог, чтобы позвать ее среди ночи. И не надо было ничего объяснять. Мы были так близки с

ней. И даже после того, как я женился, пока она была жива, я каждую неделю относил ей свои рубашки.

Всякий раз, как отец уезжал, я спал в ее постели, пока мне не исполнилось десять лет. Кончилось это совершенно внезапно. Однажды вечером к нам пригласили на чай жену канадского посла. Приготовления шли целый день. Маме хотелось убедиться в том, что и я, и сестры знаем, как держать чашку и блюдечко. Мне предстояло ходить по комнате и предлагать всем блюдо с печеньем и маленькими сэндвичами с обрезанной корочкой. Меня отправили к парикмахеру, а потом заставили надеть красный галстук-бабочку, который я просто терпеть не мог. У жены посла были синие волосы, я такого еще ни разу в жизни не видел, а еще она привела с собой дочку Кэролайн, которой было тогда двенадцать лет. Мой отец, как я выяснил позже, сказал, что нашим семьям не мешало бы сойтись поближе, имея в виду как дипломатические, так и деловые интересы. Мы сидели тихо и слушали, как две наши мамы беседуют, а когда канадская леди задавала нам вопрос, мы держали спину и вежливо ей отвечали. Нынешних детей такому не учат. Потом мама увела жену посла, чтобы показать ей дом и сад, а

нас, детей, оставили одних. Сестры мои по такому случаю обрядились в самые нарядные платья и сидели вместе, все четыре, на большом диване, так тесно, что казались одним существом, тугим клубком из ленточек, кружев и завитков. Когда сестры собирались вот так, все вместе, это было что-то ужасное. Кэролайн сидела на деревянном стуле, а я на другом таком же. Несколько минут все молчали.

У Кэролайн были голубые глаза и маленькое, как у обезьянки, личико. Нос у нее был веснушчатый, а волосы она в тот день заплела в косичку. Никто не говорил ни слова, но краем глаза я видел, как на диване кто-то кого-то толкнул локтем в бок. Было слышно, как у нас над головами наша мама и мама Кэролайн ходят из комнаты в комнату. И вдруг Эва сказала: «Мисс Кэролайн, а вы спите со своей мамой?» Кэролайн ответила: «Нет, а вы?» И Эва ей: «Мы-то нет, а вот Роберт спит».

Я сделался красным как рак и совсем уже было собрался встать и выбежать вон из комнаты, но тут Кэролайн обернулась ко мне с улыбкой и сказала: «А мне кажется, что это ужасно мило», и с этой самой минуты я в нее влюбился и перестал спать с мамой в одной постели. Шесть лет спустя я снова встретил Кэролайн, а еще через два года

мы поженились.

Народ в баре понемногу стал расходиться. Верхний свет погасили, и официант начал подметать пол. На последней части истории Колин задремал, уронив голову на согнутую в локте руку. Роберт собрал со стола пустые винные бутылки, отнес их к стойке и, судя по всему, принялся отдавать какие-то распоряжения. Подошел второй официант, выбросил из пепельницы окурки в ведерко и вытер со стола.

Когда Роберт вернулся, Мэри сказала:

— Не слишком-то много вы нам рассказали о своей жене.

Он вложил ей в руку спичечный коробок, на этикетке которого были напечатаны название и адрес бара.

— Я здесь почти каждый вечер.

И осторожно сжал ее пальцы, так что коробок исчез в ее ладони. Проходя мимо Колина, Роберт вытянул руку и взъерошил ему волосы. Мэри проводила его взглядом, посидела, зевая, пару минут, а потом разбудила Колина и напомнила, что пора идти. Кроме них, в баре уже совсем никого не осталось.

С одной стороны улица растворялась в кромешной тьме; с другой рассеянный голубовато-серый

свет позволял различить цепочку невысоких зданий, которые, подобно вырезанным в граните ступеням, спускались все ниже, чтобы сомкнуться там, где улица сворачивала в сторону. В тысячах футов над землей порозовевший по краю полупрозрачный облачный палец указывал куда-то за поворот. Вдоль улицы дул прохладный соленый сквознячок и теребил целлофановую обертку, прилипшую к ступеньке, на которой сидели Колин и Мэри. Из-за плотно закрытого окна непосредственно у них над головой доносились приглушенный храп и скрип пружин. Мэри склонила голову Колину на плечо, а сам он притулился возле стены, в узком зазоре между двумя водосточными трубами. С более освещенного конца улицы в их сторону быстрой трусцой засеменила собака, аккуратно цокая когтями о сбитые камни мостовой. Добежав до них, она не остановилась и даже не повернула к ним голову, и после того, как она растворилась в темноте, пунктирный ритм ее шагов еще какое-то время был слышен.

Глава четвертая

— Надо было взять с собой карты, — сказал Колин.

Мэри приткнулась к нему поближе.

— Да какая разница, — пробормотала она. — Мы же в отпуске.

Примерно через час их разбудили голоса и смех. Где-то вдалеке на высокой ровной ноте звенел колокол. Улица была залита тусклым ровным светом, и бриз стал теплым и влажным, как дыхание ребенка. Мимо них по улице хлынули дети, одетые в ярко-синие платьица с черными воротниками и манжетами, и у каждого за спиной по аккуратной, туго перетянутой стопке книг. Колин встал и, держась обеими руками за голову, вывалился на середину улицы; детский ручеек разделился надвое, чтобы пропустить его, и сомкнулся снова. Крохотная девчушка кинула ему в живот теннисным мячиком и ловко поймала мяч на отскоке; по толпе рябью пробежали радостные и одобрительные восклицания. Затем колокол смолк, оставшиеся дети замолчали и с мрачным видом побежали дальше. Улица как-то

вдруг опустела. Мэри сидела на ступеньке, сгорбившись, и отчаянно скребла обеими руками голень и щиколотку правой ноги. Колин, едва заметно покачиваясь, стоял посреди улицы и смотрел в сторону невысоких зданий.

— Кто-то меня укусил, — пожаловалась Мэри. Колин подошел, встал около нее и стал смотреть, как она чешется. Россыпь маленьких красных точек быстро дорастала до размеров мелких монет и наливалась пунцовым цветом.

— Я бы на твоем месте перестал чесаться — сказал Колин.

Он перехватил ее за запястье и помог встать. Где-то далеко позади раздались детские голоса, искаженные акустикой, которая напоминала акустику в гигантской бальной зале: дети твердили нараспев не то катехизис, не то таблицу умножения.

Мэри передернуло.

— О господи! — выдохнула она, с явной издевкой над собственным, едва ли не детским нетерпением. — Если их не почесать, то я просто-напросто сдохну на месте. И как же хочется пить!

Похмелье сообщило Колину несколько высокомерное и грубоватое чувство уверенности в себе

вообще-то ему не свойственное. Он встал у Мэри за спиной, прижал ее руки к бокам и указал в дальний конец улицы.

— Мне кажется, если мы пойдем в ту сторону, — шепнул он ей на ухо, — то выйдем к морю. А там наверняка будет открытое кафе.

Мэри позволила ему подтолкнуть себя вперед.

— Ты небритый.

— Помни, — сказал Колин, когда они зашагали под горку, набирая скорость, — мы в отпуске.

Море открылось сразу за поворотом. Набережная была пустынной и узкой, застроенной в обе стороны сплошной шеренгой обшарпанных домов. Из гладкой желтовато-коричневой поверхности воды под странными до нелепости углами торчали деревянные сваи, но ни одной лодки за них зачалено не было. Справа от Колина и Мэри ржавая жестяная табличка указывала вдоль набережной, на больницу. Из того же переулка, из которого только что вынырнули они сами, вышел к воде маленький мальчик, которого конвоировали с обеих сторон две женщины среднего возраста с туго набитыми пластиковыми сумками в руках. Эта троица остановилась под указателем, одна из женщин наклонилась и принялась рыться в сумках так, будто они что-то

забыли. Как только они тронулись с места, мальчик пронзительным голосом начал было чего-то требовать, но на него тут же шикнули.

Колин и Мэри сели у самой кромки набережной на какие-то отчаянно пахнущие дохлой рыбой ящики. Какое же облегчение — вырваться наконец из путаницы узких улочек и переулков, сесть и просто смотреть на море. Смысловым центром пейзажа служил невысокий, окруженный стеной остров в полумиле от берега, целиком отведенный под кладбище. На одном конце его были часовня и небольшой каменный пирс. С такого расстояния, в перспективе, искаженной сизой утренней дымкой, ярко-белые склепы и надгробия являли картину города будущего, развитого сверх всякого разумения. Сквозь низко висящую полосу городских испарений солнце казалось диском из нечищеного серебра, маленьким и четким.

Мэри снова склонила голову Колину на плечо.

— Такое впечатление, что сегодня *тебе* придется заботиться обо мне, — сказала она сквозь зевок.

Он погладил ее кожу у основания шеи:

— А вчера, значит, *ты* обо мне заботилась?

Она кивнула и закрыла глаза. Потребность в

том, чтобы один из них заботился о другом, уже давно вошла у них в привычку, они по очереди брали на себя эту обязанность и старательно ее выполняли. Колин поуютнее обнял Мэри и — почти машинально — поцеловал ее в ухо. Из-за кладбищенского острова показался пассажирский пароходик и подошел к пирсу. Даже на таком расстоянии было видно, что в руках у крохотных фигурок в черном, сошедших на берег, букеты цветов. По-над водой до них долетел еле слышный пронзительный вскрик — чайка, а может, ребенок, — и пароходик отвалил от острова.

Направлялся он явно к больничному причалу, который находился за поворотом береговой линии: с того места, где они сидели, его было не видно. Сама больница, однако, возвышалась над окружающими зданиями этакой цитаделью облупленного горчично-желтого архитектурного хаоса, придавленного сверху бледно-розовыми черепичными крышами, которые служили подставками для разношерстного выводка телевизионных антенн. У некоторых палат были высокие, забранные решетками окна, выходившие на балконы размером с небольшой корабль, где одетые в белое пациенты — или медсестры — сидели или стояли, глядя на море.

Набережная и улицы за спиной у Колина и Мэри постепенно заполнялись народом. Ковыляли с пустыми хозяйственными сумками молчаливые старухи в черных шалях. Из соседнего дома как-то разом пошел могучий запах крепкого кофе и сигарного дыма, который тут же смешался с рыбной вонью и едва совсем ее не заглушил. Морщинистый старый рыбак в рваном сером костюме и рубашке без пуговиц, которая когда-то была белой — складывалось впечатление, что лет сто назад он сбежал от конторской работы, — бросил возле ящиков кучу рыболовных сетей, чуть не под ноги Колину и Мэри. Колин сделал было робкий извиняющийся жест, но старик, который уже двинулся прочь, припечатал его емкой, раз и навсегда, фразой: «Туристы!» — и взмахом руки отпустил все грехи.

Колин разбудил Мэри и уговорил пойти с ним на больничный пирс. Если там не окажется кафе, пароходик отвезет их по каналам в центр города, а там уже и до гостиницы буквально рукой подать.

К тому времени, как они добрались до величественных ворот, служивших входом в больницу, пароходик уже приготовился в обратный путь. Управляли им двое молодых людей в синих

куртках, темных очках в серебряной оправе и с одинаково тонкими, будто карандашом нарисованными усиками. Один стоял наготове у штурвала, а другой отвязывал чалку от кнехта ловкими небрежными движениями запястья; в самый последний момент он шагнул на борт через быстро ширящуюся полоску маслянистой воды, тем же движением распахнул воротца в перилах, за которыми сгрудились пассажиры, и закрыл их за собой одной рукой, отрешенно глядя при этом на удаляющийся пирс и перекрикиваясь то и дело со своим товарищем.

Ни слова не говоря друг другу, Колин и Мэри повернулись к морю спиной и присоединились к людскому потоку, который вливался в ворота и тек дальше, к больнице, по довольно крутой подъездной дорожке, обсаженной цветущим кустарником. На табуретках сидели старушки и торговали журналами, цветами, крестиками и статуэтками, но никто даже не останавливался, чтобы посмотреть на их товар.

— Если здесь есть амбулаторные больные, — сказал Колин, чуть сильнее сжав руку Мэри, — то могут продавать какую-нибудь еду.

Мэри вдруг прорвало:

— Если мне не нальют стакана воды, я просто

сдохну. Уж этого-то от них можно будет добиться.

Нижняя губа у нее треснула, кожа вокруг глаз потемнела.

— Наверняка, — ответил Колин. — В конце концов, это же больница.

У двойных витражных дверей, увенчанных большим полукружием из цветного стекла, выстроилась очередь. Встав на цыпочки, они смогли разглядеть сквозь отражения людей и кустов фигуру в форме, охранника или полицейского, который стоял в полумгле между наружной и внутренней дверью и проверял у каждого посетителя документы. Люди вокруг них принялись доставать из карманов и сумок ярко-желтые карточки. Похоже, они попали сюда в тот промежуток времени, когда в палаты пускают родственников, потому что, судя по всему, больных в очереди не было совсем. Толпа придвинулась ближе к двери. Возле нее на пюпитре было выставлено каллиграфически выведенное объявление — одно длинное предложение, в котором дважды встречалось слово, очень похожее на «секьюрити». Слишком усталые, чтобы объясняться с охранником в форме, растолковывая ему, кто они такие и что им просто хочется

чего-нибудь попить и перекусить, Колин и Мэри, сопровождаемые недоуменно-сочувствующими возгласами толпы, проделали обратный путь к воротам. Где-то в окрестностях, судя по всему, было несколько кафе, но возле больницы они почему-то ни одного не заметили. Мэри сказала, что хочет остановиться где-нибудь и поплакать, и они уже начали подыскивать подходящее для этого местечко, когда услышали крик и приглушенный звук корабельного двигателя, дающего задний ход: у пирса ошвартовался очередной пароходик.

Чтобы добраться до гостиницы, нужно было пройти через одну из популярнейших мировых туристических достопримечательностей — через колоссальную площадь в форме клина, закрытую с трех сторон величественными, со сводчатыми галереями домами: над открытой ее стороной царила часовая башня из красного камня, а за ней — знаменитый собор с белыми куполами и ослепительным фасадом, где, как об этом неоднократно было сказано, столетия цивилизации слились в ликующем единстве. У двух продольных сторон площади, как две армии, готовые ринуться друг на друга через булыжную нейтральную полосу, стояли плотные

ряды стульев и круглых столиков — уличный резерв почтенных местных кафе; оркестры с музыкантами и дирижерами, одетыми, невзирая на утреннюю духоту, в смокинги, играли одновременно: музыку маршевую и романтическую, вальсы и отрывки из популярных опер с непременной оглушительной кульминацией в конце. Повсюду толпились, суетились и гадили голуби, и в каждом кафе после очередной порции искренних, но жидких аплодисментов оркестр на время неуверенно замирал. Туристы волнами катились через ослепительно освещенную площадь и откалывались маленькими группами от основной массы, чтобы раствориться в монохромной мозаике света и тени в изящных колоннадах галерей. Как минимум две трети взрослых мужчин были с фотоаппаратами.

Колин и Мэри, с трудом переставляя ноги, сошли с пароходика и теперь, перед тем как пересечь площадь, стояли в убывающей тени башни. Мэри сделала несколько глубоких вдохов и, стараясь перекрыть царящий над площадью гул, предложила зайти в одно из кафе и выпить воды. Тесно прижавшись друг к другу, они пошли вдоль края площади, но свободных столиков не было, не было даже и таких, за которыми

можно было бы присесть с кем-нибудь рядом, и постепенно до них дошло, что беспорядочное движение взад-вперед по площади по большей части создавали люди, которые пытаются найти свободное местечко и присесть, а те, что скрываются в паутинном плетении узких улочек, просто отчаялись что бы то ни было отыскать.

В конце концов им все-таки удалось сесть, да и то лишь после того, как они отстояли несколько минут возле столика, за которым вертелась на стульях, размахивая чеком, пожилая чета; а усевшись, они обнаружили, что столик находится на отдаленной окраине зоны, обслуживаемой их официантом, и что многие из тех, кто сейчас вытягивает шеи и безнадежно щелкает пальцами, удостоятся внимания раньше, чем они. Мэри подняла на Колина запавшие красные глаза и что-то прошептала растрескавшимися губами, которые уже начали заметно припухать; а когда он в шутку предложил ей допить остатки кофе из стоящей перед ним на столе крохотной чашечки, она закрыла лицо руками.

Колин встал и быстрым шагом направился между столиками к галерее, но его тут же прогнала обратно группа прохлаждающихся в глубокой тени у входа в бар официантов. «Воды нет», —

сказал один из них, указав на разноцветное море мечтающих расстаться с деньгами клиентов, оправленное в темные проемы сводчатых арок. Вернувшись к столику, Колин взял Мэри за руку. Они сидели приблизительно на одинаковом расстоянии от двух оркестров, и хотя звук был негромкий, но из-за постоянных диссонансов и ритмических несовпадений трудно было сосредоточиться и решить, что теперь делать.

— Я думаю, нам сейчас чего-нибудь принесут, — неуверенно сказал Колин.

Они расцепили руки и откинулись на спинки стульев. Колин проследил за взглядом Мэри: за соседним столиком сидела семья, ребенок, которого придерживал за талию отец, стоял, покачиваясь, на столе, между пепельниц и пустых чашек. На нем была белая панама, матросская курточка в бело-зеленую полоску, широкие штаны, отделанные розовой шнуровкой и белыми ленточками, желтые гольфы и ярко-алые кожаные туфли. Бледно-голубое колесико соски-пустышки, плотно прижатое к губам и совершенно их скрывшее, придавало ребенку комичный, как будто от рождения удивленный вид. Из уголка рта полз улиточий след слюны; слюна собиралась в глубокой ямке на подбородке и, перетекая

через край, висела блестящей яркой капелькой, как подвеска. Ладошки у малыша сжимались и разжимались, голова недоумевающе покачивалась, его пухлые слабые ножки разъехались под бесстыдно набрякшей тяготой подгузника. Его безумные глаза, круглые и пустые, сверкнув, окинули взглядом залитую солнцем площадь и с выражением, которое казалось исполненным удивления и гнева, остановились на крыше собора, где, как было когда-то написано, венцы арок, словно в экстазе, разбивались в мраморную пену и взмывали в бесконечную синь неба застывшими в камне завитками и вихрями, как будто прибрежные волны, скованные внезапным морозом за миг перед тем, как рухнуть вниз. Младенец издал густой горловой гласный звук, и его ручки дернулись в направлении храма.

Колин поднял было руку, пытаясь привлечь внимание официанта, который, лавируя между столиками с подносом, полным пустых бутылок, как раз двинулся в их сторону, но официант пролетел мимо прежде, чем жест успел оформиться хотя бы наполовину. Семья собралась уходить, и ребенка начали передавать по кругу, пока он не добрался до матери, которая тыльной стороной руки вытерла ему рот, аккуратно усадила в

поблескивающую серебром коляску и принялась резкими движениями затягивать его руки и торс в кожаную сбрую с бесконечным количеством пряжек. Коляска тронулась с места: младенец откинулся на спину и сфокусировал свой яростный взгляд где-то в небе.

— Интересно, — сказала Мэри, провожая глазами коляску, — как там дети?

Оба ее ребенка гостили сейчас у отца, который жил в сельской общине. Три адресованные им открытки, написанные в первый же день по приезде, по-прежнему лежали на прикроватном столике в гостинице, без марок.

— Мечтают о футболе, сосисках, комиксах и газировке, а в остальном прекрасно себя чувствуют. Как мне кажется, — сказал Колин.

Двое мужчин в поисках свободного места пару секунд постояли, прижавшись к их столику и держась за руки.

— Эти горы, эти бесконечные открытые пространства, — сказала Мэри. — Знаешь, в такого рода местах иногда бывает на удивление нечем дышать.

Она пристально посмотрела на Колина. Он взял ее за руку:

— Надо все-таки отправить им открытки.

Мэри отняла руку и обвела взглядом сотни футов бесконечно повторяющихся арок и колонн.

Колин тоже огляделся. Официантов поблизости не было, и, насколько он мог видеть, перед каждым клиентом стоял полный стакан.

— Здесь как в тюрьме, — произнесла Мэри.

Колин скрестил на груди руки и долго, не мигая, на нее смотрел. Идея приехать в этот город принадлежала ему. Наконец он сказал:

— За билеты на самолет уже заплачено, и вылет через десять дней.

— Можно сесть на поезд.

Колин отвел взгляд. Два оркестра одновременно смолкли, и музыканты начали пробираться к галереям, к барам своих кафе; без их музыки площадь казалась еще более просторной, и на то, чтобы заполнить ее, звука шагов, звонкого цоканья шикарных туфель и шлепанья сандалет было явно недостаточно; а также голосов, восторженного шепота, детских криков и родительских призывов к порядку. Мэри заметно приуныла.

Колин встал и начал обеими руками махать официанту, тот кивнул и пошел в их сторону, собирая по пути заказы и пустые стаканы.

— Неужели?! — торжествующе воскликнул Колин.

— Нам нужно было взять их с собой, — сказала Мэри, обращаясь к собственным коленям.

Колин по-прежнему стоял возле столика.

— Нет, он действительно идет к нам! — Он сел и потянул ее за запястье. — Чего тебе заказать?

— Какая гнусность с нашей стороны, что мы их там бросили.

— А мне кажется, это был шаг вполне разумный.

Официант, массивный импозантный человек — густая, тронутая сединой борода, очки в золотой оправе, — внезапно оказался возле их столика, наклонился вперед и едва заметно поднял брови.

— Мэри, чего тебе взять? — настойчивым шепотом спросил Колин.

Мэри сложила руки на коленях и сказала:

— Стакан воды, безо льда.

— Да, *два,* пожалуйста, — с готовностью подхватил Колин, — и…

Официант выпрямился и коротко выдохнул через нос. Окинул их взглядом, оценив состояние лиц и одежды. А потом сделал шаг назад и кивнул в сторону дальнего конца площади:

— Там фонтан.

Он двинулся было прочь, но Колин развернулся

на стуле и ухватил его за рукав.

— Нет-нет, послушайте, — умоляющим тоном начал он. — Еще мы собирались заказать кофе, и кроме того…

Официант высвободил руку.

— Кофи! — повторил он, насмешливо раздув ноздри. — Две кофи?

— Да. Да!

Официант покачал головой и ушел.

Колин обмяк, закрыл глаза; Мэри попыталась сесть прямо.

Она легонько толкнула его под столом ногой.

— Брось. До гостиницы всего десять минут ходу.

Колин кивнул, но глаз не открыл.

— Залезем в душ, посидим на балконе, закажем, и нам принесут все, чего мы только захотим.

Чем ниже опускался подбородок Колина, тем оживленнее делалась Мэри.

— Заберемся в койку. Ммм, чистые белые простыни. Закроем ставни. Представляешь, какая роскошь? А можем…

— Ладно, — тусклым тоном сказал Колин. — Пойдем в гостиницу.

Но ни один из них с места не сдвинулся.

Мэри поджала губы, а потом заметила:

— Очень может быть, что кофе он нам все-таки принесет. Когда люди качают головой, здешние люди, это может означать все, что угодно.

Утреннее пекло усилилось, толпа рассосалась; появились свободные столики, и через площадь шли теперь либо истовые любители достопримечательностей, либо местные жители, которым было куда спешить, разрозненные фигурки, расплющенные колоссальным пустым пространством, подрагивающие в знойном воздухе. На другой стороне площади снова выстроился оркестр и заиграл венский вальс; на той стороне, где сидели Колин и Мэри, дирижер перелистывал ноты, пока музыканты рассаживались по своим местам и расставляли по пюпитрам тетрадки. Колин и Мэри слишком давно и слишком хорошо знали друг друга и, как следствие, неоднократно ловили себя на том, что одновременно, не говоря друг другу ни слова, разглядывают одно и то же; на сей раз — мужчину, который футах в двухстах стоял к ним спиной. В летнем мареве его белый костюм сразу бросался в глаза; он остановился, чтобы послушать вальс. В одной руке у него был фотоаппарат, в другой он держал сигарету. Мужчина аккуратно переместил вес тела на одну ногу, и голова его начала двигаться в такт

простому ритму. Потом он развернулся, совершенно внезапно, так, словно ему вдруг надоело слушать музыку, которая звучала по-прежнему, и не торопясь направился в их сторону, уронил на ходу сигарету и не глядя раздавил ее ногой. Из нагрудного кармана он достал на ходу темные очки и наскоро протер их белым носовым платком, прежде чем водрузить себе на нос; каждое его движение выглядело настолько экономным, словно он заранее его продумал. Несмотря на солнечные очки, изящный костюм и бледно-серый шелковый галстук, они сразу его узнали и теперь, будто завороженные, сидели и ждали, когда он подойдет поближе. Трудно было сказать, видел он их или нет, но теперь он шел прямо к их столику.

Колин застонал:

— Ну почему мы не пошли в гостиницу.

— Давай отвернемся, — предложила Мэри, но они по-прежнему сидели и смотрели, как он идет к ним, пробуя на вкус незнакомое чувство — узнать человека в чужом городе — и то восхитительное ощущение, которое испытывает человек, который наблюдает, оставаясь незамеченным.

— Он нас не заметил, — шепнул Колин, но тут,

как будто в ответ на его реплику, Роберт остановился, снял очки, раскинул руки в стороны и закричал:

— Друзья мои! — и тут же быстрым шагом двинулся к ним. — Друзья мои!

Он пожал Колину руку, а руку Мэри поднес к губам.

Они откинулись на спинки стульев и слабо улыбнулись в ответ. Он тут же нашел стул и сел между ними, расплывшись в такой широкой улыбке, как будто с момента их последней встречи прошло не несколько часов, а несколько лет. Он устроился на стуле поудобнее и оперся локтем о колено: на ногах у него были бледно-кремовые ботинки из мягкой кожи. Над столиком поплыл легкий запах духов, не имеющий ничего общего с густым вчерашним парфюмом. Мэри принялась скрести ногу. Когда они объяснили, что до гостиницы так и не добрались, что спали на улице, Роберт задохнулся от ужаса и выпрямил спину. На той стороне площади первый вальс неуловимо перетек во второй; рядом с ними второй оркестр сорвался в жестокое танго, «Убежище Эрнандо».

— Это я во всем виноват! — прокричал Роберт. — Я вас задержал, со своим вином и со своими глупыми рассказами.

— Перестань чесаться, — сказал Колин Мэри — и Роберту: — Да нет, что вы. Нам просто следовало захватить с собой карты города.

Но Роберт уже вскочил на ноги, положил одну руку на локоть Колина, а другой потянулся за рукой Мэри.

— Нет-нет, это я должен был обо всем подумать. Но я все наверстаю. Вы поживете у меня в гостях.

— Нет, спасибо, — не слишком внятно откликнулся Колин. — Мы остановились в гостинице.

— Если вы настолько устали, гостиница — не самое лучшее место. Я с такими удобствами вас устрою, что вы забудете об этой кошмарной ночи. — Роберт отодвинул свой стул, чтобы дать Мэри пройти.

Колин потянул ее за юбку.

— Погоди минутку…

Короткое танго кубарем скатилось к финалу и, через ловко исполненную модуляцию, обернулось увертюрой Россини; вальс превратился в галоп. Колин тоже встал и нахмурился, пытаясь сконцентрироваться.

— Погоди…

Но Роберт уже вел Мэри под руку через свободное от столиков пространство. В ее движениях проглядывал вязкий автоматизм сомнамбулы.

Роберт обернулся и нетерпеливо окликнул Колина.

— Мы возьмем такси.

Они прошли мимо оркестра, мимо башни, тень от которой была теперь не шире ковровой дорожки, и дальше, к оживленной береговой линии, к которой, как в фокусе, сходились все линии, пересекающие переполненную лагуну. Здешние лодочники, судя по всему, тут же узнали Роберта и мигом ввязались в отчаянное соревнование, пытаясь перехватить друг у друга заказ.

Глава пятая

Сквозь полуоткрытые ставни закатное солнце отбрасывало ромбоид из оранжевых полос на стену спальни. Полосы поблекли и утратили было четкость — видимо, по небу ходили легкие облака, — но затем снова стали яркими. Мэри смотрела на них целых полминуты, прежде чем проснулась окончательно. В комнате были высокие потолки, белые стены и никакой лишней мебели; между ее кроватью и кроватью Колина стоял легкий бамбуковый столик с глиняным кувшином и двумя стаканами; у ближней стены — резной сундук, а на нем керамическая ваза, в которой, как это ни странно, стояла одинокая веточка лунника. Сухие серебристые листья шевелились и шуршали в теплых сквознячках, которые то и дело забирались в комнату сквозь полуоткрытое окно. Пол казался сделанным из единого куска коричнево-зеленого крапчатого мрамора. Мэри легко поднялась и села в кровати, босые ступни ощутили леденящий холод камня. Распахнутая настежь филенчатая дверь вела в выложенную белым кафелем ванную. Другая

дверь, через которую они вошли, была закрыта, и рядом на медном крюке висел белый халат. Мэри налила себе стакан воды, что она уже делала не раз и не два перед тем, как уснуть, — на сей раз воду она пила не жадными глотками, а скорее потягивала, — села как могла прямо, до предела распрямив спину, и посмотрела на Колина.

Как и она сама, он спал голый, лицом вниз, поверх простыней, нижняя часть его тела лежала прямо, верхняя немного неловко была развернута в ее сторону. Руки он как-то беспомощно прижал к груди; стройные, лишенные волос ноги были слегка раздвинуты, и ступни, необычайно маленькие, будто детские, смотрели внутрь. Филигранно-тонкий позвоночник убегал в глубокую ямку на пояснице, и по всей длине вдоль него, подсвеченный косыми лучами пробивающегося сквозь ставень света, рос тонкий и мягкий пушок. Вокруг тонкой талии Колина по гладкой белой коже отпечатались маленькие зубчики, будто следы от зубов: резинка от трусов. Ягодицы у него были маленькие и твердые, как у ребенка. Мэри наклонилась, чтобы погладить его, но передумала. Вместо этого она поставила на столик стакан с водой и пододвинулась поближе, чтобы рассмотреть его лицо, как разглядывают лица статуй.

Оно было изящно вылеплено, с роскошным небрежением обычной правильностью пропорций. Ухо — сейчас увидеть можно было только одно — большое и немного торчком; кожа настолько тонкая и бледная, что казалась почти прозрачной, и внутри гораздо больше изгибов, чем положено, этакими невероятными завитками, мочки длинные и округлые, как слезинки. Брови как две жирные черты карандашом, сбегающие вниз к переносице и почти касающиеся друг друга. Глубоко посаженные глаза, темные, если он их откроет, сейчас были прикрыты темно-серыми острыми ресницами. Во сне озадаченная гримаса, которая собирала на его лбу привычную сеть морщин даже тогда, когда он смеялся, почти разгладилась, оставив едва заметные — как от волны на песке — следы. Нос, как и уши, был довольно длинный, но если смотреть в профиль, то не сильно выдавался вперед; напротив, он был узким и ровным, а в нижнюю его часть, словно резцом каменотеса, были врезаны две необычайно маленькие, похожие на запятые ноздри. Рот у Колина был волевой, с твердой линией губ, разделенных разве что намеком на проблеск зубов. Волосы у него были тонкие, как у ребенка, и черные и падали завитками на хрупкую, жен-

ственную шею.

Мэри подошла к окну и распахнула ставни. Комната смотрела прямо на закат и, судя по всему, находилась на пятом или на шестом этаже, большинство соседних зданий были заметно ниже. Солнце било прямо в глаза, и оттого разобраться в конфигурации лежащих под окном улиц и оценить, далеко ли отсюда до гостиницы, было почти невозможно. Снизу, как из гигантской оркестровой ямы, поднимались смешанные звуки шагов, музыкальных телевизионных заставок, звон столовых приборов и посуды, собачий лай и бесчисленные голоса. Она тихо затворила ставни, восстановив на стене узор из оранжевых солнечных полос. Барский простор и лоснящаяся прохлада чистого мрамора вдохновили Мэри заняться йогой. Она села на пол, резко втянув воздух ртом, когда холодная поверхность коснулась ягодиц, вытянув ноги перед собой и выпрямив спину. Она медленно, с долгим выдохом наклонилась вперед, дотянулась до ступней, зацепилась за них руками и вытягивала торс вдоль ног, покуда голова не легла на голени. Несколько минут она равномерно дышала, оставаясь в этой позе, с закрытыми глазами. Когда она выпрямилась, Колин уже сидел на кровати.

Все еще не до конца проснувшись, он перевел взгляд с ее пустой постели на решетчатый ромб на стене, а потом на пол, на Мэри.

— Мы где?

Мэри легла на спину.

— Точно сказать не могу.

— А где Роберт?

— Не знаю.

Она стала поднимать ноги и делала это до тех пор, пока они не коснулись пола у нее за головой.

Колин встал, но тотчас снова плюхнулся на кровать.

— Да, а сколько сейчас времени?

Голос у Мэри был сдавленный:

— Вечер.

— А как твои укусы?

— Спасибо, прошли.

Колин встал, на сей раз куда осторожнее, и огляделся вокруг.

— А где наша одежда?

Мэри ответила:

— Не знаю, — подняла ноги и встала в «березку». Колин неверным шагом подошел к окну и высунул голову наружу.

— В комнате ее нет. — Он взял вазу с лунником

и поднял крышку сундука. — Здесь тоже.

— Ага, — сказала Мэри.

Он сел на свою кровать и посмотрел на нее.

— Тебе не кажется, что нам стоило бы ее отыскать? Или тебе все равно?

— Я прекрасно себя чувствую, — сказана Мэри.

Колин вздохнул:

— Ну а я хочу понять, что, собственно, происходит.

Мэри опустила ноги и сказала, обращаясь к потолку:

— Там на двери висит халат.

Она сложила руки и ноги со всем удобством, которое позволял мраморный пол, подняла ладони вверх, закрыла глаза и стала глубоко дышать через нос.

Через несколько минут она услышала, как Колин, голосом, гулко звучащим в замкнутом пространстве ванной, раздраженно крикнул:

— Я не могу в этом ходить!

Она открыла глаза в тот самый момент, когда он зашел в комнату.

— Вот это да! — удивленно сказала Мэри, глядя на него. — Выглядишь просто потрясающе.

Она выпутала пару его локонов, застрявших в оборках воротника, и погладила ладонью сквозь

ткань.

— Ты выглядишь как бог. Думаю, придется затащить тебя в койку.

Она потянула его к себе, но Колин высвободился.

— К тому же никакой это не халат, — сказал он, — это ночнушка.

Он указал на вышитый поперек его груди цветочный бордюрчик.

Мэри отступила на шаг назад.

— Ты даже представить себе не можешь, как здорово ты в ней выглядишь.

Колин начал стягивать с себя ночную рубашку.

— Я же не могу расхаживать, — сказал он изнутри, сквозь мягкие складки, — по чужому дому в этаком виде.

— Ты имеешь в виду эрекцию? — спросила Мэри и вернулась к йоге.

Она встала прямо, составив ступни вместе и вытянув руки вдоль туловища, нагнулась так, чтобы дотянуться до пальцев на ногах, а потом еще глубже — и положила запястья и ладони на пол.

Колин, с ночной рубашкой, переброшенной через руку, стоял и смотрел на нее.

— Насчет твоих укусов — я рад, — сказал он

через некоторое время.

Мэри промычала в ответ что-то невнятное. Когда она снова выпрямилась, он подошел к ней.

— Тебе она больше подойдет, — сказал он. — Заодно сходишь и посмотришь, что к чему.

Мэри подпрыгнула и приземлилась, широко расставив ноги. Она стала выгибать торс в сторону, пока не смогла ухватить себя левой рукой за левую лодыжку. Правую руку она подняла вверх и смотрела вдоль нее, в потолок. Колин уронил ночнушку на пол и лег на свою кровать. Минут через пятнадцать Мэри подняла ее, надела, поправила волосы перед зеркалом в ванной и, одарив Колина нарочитой улыбкой, вышла из комнаты.

Она медленно пробиралась по длинной, загроможденной фамильными ценностями галерее, сквозь этакий семейный музей, в котором обилие экспонатов разве что по случайности оставляло рядом с собой малую толику жилого пространства; и экспонаты сплошь были громоздкие, богато украшенные, не используемые в быту, но старательно ухоженные — предметы из красного дерева, резные и полированные, на изогнутых ножках и с бархатными подушками. В нише по левую руку от нее стояли, как бессменный ка-

раул, двое напольных часов и тикали не в такт. Даже вещи размером поменьше, вроде птичьих чучел под стеклянными колпаками, ваз, чаш для фруктов, подставок для ламп, прочих медных и хрустальных предметов непонятного назначения, казались неподъемными из-за давящей на них тяжести прошедших лет и забытых преданий. Три окна, которые выстроились в ряд в западной стене, отбрасывали внутрь помещения точно такие же, хотя и успевшие слегка потускнеть, оранжевые полосы, с той разницей, что здесь их разнообразили потертые узорчатые ковры. В центре галереи находился большой полированный обеденный стол с расставленными вокруг него стульями — с высокими спинками, явно из того же комплекта, что и сам стол. На одном конце стола — телефон, блокнот и карандаш. На стенах — дюжина с лишним картин, написанных маслом, в основном портреты, и между ними пара пожелтевших пейзажей. Портреты были одинаково темными: темная одежда, тусклый фон, на котором лица людей сияли как луны. На двух пейзажах были изображены едва различимые деревья: лишенные листьев, они возвышались над темными озерами, на берегах которых танцевали, воздев руки, какие-то при-

зрачные фигуры.

В дальнем конце галереи виднелись две двери, в одну из которых они сегодня утром вошли; двери были непропорционально маленькие, не обшитые панелями и выкрашенные в белый цвет: как будто великосветский особняк кому-то взбрело в голову нарезать на малогабаритные квартиры. Мэри остановилась у серванта, который стоял у стены меж двумя окнами, этакий монстр, сложенный из полированных поверхностей, и на каждом ящике — ручка в форме женской головы. Она попробовала открыть несколько ящиков: все оказались запертыми. На полке были аккуратно разложены предметы довольно интимного свойства, но даже и у них вид был такой, словно их выставили напоказ: щетки, платяные и для волос, с серебряными рукоятками, на отдельном поддоне, расписной фарфоровый тазик для бритья, несколько разложенных веером опасных бритв, курительные трубки, выстроенные в ряд на подставке из черного дерева, кавалерийский хлыст, мухобойка, золотая трутница, брегет на цепочке. По задней стенке шли гравюры на спортивные темы, по большей части скачущие кони с неестественно вывернутыми ногами, у всадников на головах цилиндры.

Мэри успела пройти галерею насквозь — огибая особо крупные предметы, помедлив возле зеркала в массивной золоченой раме — и только потом обратила внимание на самую приметную деталь интерьера. В восточной стене была раздвижная стеклянная дверь, выходившая на длинный балкон. Оттуда, где она стояла, свет канделябров почти ничего не позволял увидеть в сгущающемся снаружи сумраке, но не заметить колоссального изобилия цветов было все-таки невозможно, равно как и вьющихся растений, маленьких деревьев в кадках и — Мэри затаила дыхание — маленького бледного лица, которое наблюдало за ней из темноты, лица, до странности развоплощенного, поскольку ночное небо и отражения мебели в стекле не позволяли разглядеть ни прическу, ни одежду. Какое-то время лицо смотрело на нее, не мигая, геометрически правильное овальное лицо; потом отодвинулось куда-то назад и вбок, в полную тьму, и исчезло. Мэри шумно выдохнула. Отражение комнаты вздрогнуло: стеклянная дверь отворилась. В комнату, немного неловко, вошла молодая женщина с жестоко утянутыми на затылке волосами и протянула ей руку.

— Пойдемте наружу, — сказала она. — Там куда

приятнее.

Сквозь иссиня-пастельную гамму небес уже пробились первые звезды, но было еще довольно легко разглядеть море, швартовочные сваи и даже темный силуэт кладбищенского острова. Прямо под балконом виднелся пустынный внутренний дворик. Цветы в горшках и вазонах источали приторный аромат. Женщина опустилась в шезлонг, едва заметно скривившись от боли.

— Да, красиво, — сказала она, как будто поддакивая непрозвучавшему комплименту. — Я провожу здесь едва ли не все свободное время.

Мэри кивнула. В длину балкон занимал примерно половину комнаты.

— Меня зовут Кэролайн. Я жена Роберта.

Мэри пожала ей руку, представилась и села в кресло так, чтобы оказаться лицом к ней. Их разделял маленький белый столик, на котором — на блюдечке — лежало одно-единственное печенье. Увивший всю стену плющ тоже цвел, и где-то в нем пел сверчок. И снова Кэролайн смотрела на Мэри так, словно самой ее было не видно; ее взгляд неторопливо переместился с волос Мэри на глаза, потом на губы и так далее, покуда не уперся в край столика, за которым уже ничего не

было видно.

— Это ваша? — спросила Мэри, оттянув пальцами краешек рукава ночной рубашки.

Вопрос, казалось, пробудил Кэролайн от грез. Она выпрямилась, сложила руки на коленях и положила ногу на ногу, как будто нарочно принимая позу, подходящую для разговора. Когда она заговорила, тон был немного натянутый, нотой выше, чем раньше.

— Да, это я сама, пока вот здесь сидела. Я люблю вышивать.

Мэри похвалила ее рукоделие, и повисла пауза, в течение которой Кэролайн как будто силилась что-то сказать. Заметив, как взгляд Мэри мимоходом скользнул по печенью, она нервически дернулась и тут же протянула ей тарелку.

— Прошу вас, возьмите.

— Спасибо, — Мэри постаралась съесть печенье как можно медленнее.

Кэролайн с явным беспокойством следила за ней.

— Вы, должно быть, проголодались. Поедите чего-нибудь?

— Да, если можно.

Но Кэролайн с места так и не двинулась. Вместо этого она сказала:

— Жаль, что Роберта нет дома. Он просил меня передать вам свои извинения. Он ушел в свой бар. По делу, конечно. Сегодня начинает работу новый управляющий.

Мэри подняла голову от пустой тарелки:

— Его бар?

Кэролайн с видимым усилием начала подниматься из кресла, и говорила она тоже с трудом, сквозь боль. Но когда Мэри предложила ей помощь, Кэролайн покачала головой.

— Он владелец бара. Должно быть, это что-то вроде хобби. То самое место, в которое он вас водил.

— Он ни словом не обмолвился, что бар принадлежит ему, — сказала Мэри.

Кэролайн забрала со стола тарелку и пошла к дверям. Взявшись за ручку, она вынуждена была повернуться всем телом, чтобы оглянуться на Мэри.

— Вы об этом знаете больше, чем я. Я ни разу там не была.

Вернулась она минут через пятнадцать с маленькой плетеной корзинкой, битком набитой сэндвичами, и с двумя стаканами апельсинового сока. Она боком протиснулась на балкон и не стала возражать, когда Мэри приняла у нее поднос.

Мэри стояла рядом, пока Кэролайн как следует не устроилась в кресле.

— У вас спина болит?

Но Кэролайн сказала, тоном простым и радушным:

— Ешьте, только оставьте немного вашему другу, — и тут же быстро добавила: — Вы очень к нему привязаны, к вашему другу?

— Его зовут Колин, — уточнила Мэри.

Кэролайн говорила осторожно, с таким напряженным выражением на лице, как будто в любую минуту ожидала услышать громкий взрыв.

— Надеюсь, вы не будете против. Я просто обязана вам кое-что сказать. Так будет честно. Понимаете, пока вы спали, я вошла и стала на вас смотреть. Я просидела на сундуке примерно с полчаса. Надеюсь, вас это не слишком задевает.

Мэри чуть не поперхнулась и не слишком уверенно ответила:

— Нет.

Внезапно Кэролайн как будто сбросила лет десять. Она принялась теребить пальцы, как застенчивая девочка-подросток:

— Мне показалось, что будет лучше, если я вам об этом скажу. Я не хочу, чтобы вы думали, будто я за вами подглядывала. Вам же так не кажется,

ведь правда?

Мэри покачала головой. Кэролайн говорила все тише и уже почти шептала:

— Колин очень красивый. Роберт сказал, что он красивый. Вы тоже, конечно.

Мэри ела сэндвич за сэндвичем, не в силах оторвать взгляд от рук Кэролайн.

Кэролайн продолжала, уже более уверенно:

— Вы, наверное, думаете, что я не в своем уме да еще и лезу не в свое дело. Вы влюблены в него?

Мэри уже съела половину сэндвичей и еще пару сверх того.

— Да, конечно, я его люблю, хотя, может быть, под словом «влюблена» вы имеете в виду нечто другое… — Она подняла глаза. Кэролайн ждала продолжения. — Не то чтобы я без ума от него, если вы об этом, я имею в виду телесную близость, хотя так было раньше, когда мы только-только с ним познакомились. Но я ему доверяю. Он мой самый близкий друг.

Кэролайн заговорила возбужденно, скорее как ребенок, чем как подросток:

— Под словом «влюблена» я имела в виду, что вы для другого человека готовы сделать все, что угодно, и… — Она запнулась. Глаза у нее были необычайно яркие. — И ему разрешаете с собой

делать все, что угодно.

Мэри поудобнее устроилась в кресле и принялась разглядывать пустой стакан, поворачивая его то так, то эдак.

— Все, что угодно, — это, пожалуй, слишком сильно сказано.

В ответе Кэролайн ясно прозвучала нотка вызова, ее маленькие руки сжались в кулачки.

— Если вы в человека по-настоящему влюблены, вы даже на смерть для него пойдете, если понадобится.

Мэри взяла еще один сэндвич:

— Если понадобится?

Кэролайн не слышала ее.

— Вот что я имею в виду под словом «влюблена»! — ликующим тоном закончила она.

Мэри отодвинула корзинку с сэндвичами от себя подальше.

— И, судя по всему, убить человека, в которого вы влюблены, вы тоже должны быть готовы?

— Ну да — если бы я была мужчиной, конечно.

— Мужчиной?

Но Кэролайн в ответ этак театрально, напоказ насторожилась: подняла указательный палец и вздернула подбородок.

— Там какой-то звук, — прошептала она и при-

нялась выбираться из кресла.

Дверь распахнулась, и на балкон осторожно вышел Колин, придерживая обернутое вокруг бедер маленькое белое полотенце.

— Это Кэролайн, жена Роберта, — сказала Мэри. — А это Колин.

Пожимая Колину руку, Кэролайн смотрела на него тем же медлительным, пристальным взглядом, каким раньше смотрела на Мэри. Колин накинулся на оставшиеся сэндвичи.

— Пододвиньте стул, — сказала Кэролайн, указывая на складной парусиновый стул, который стоял в дальнем конце балкона.

Колин сел между ними, спиной к морю, придерживая одной рукой полотенце. Пока он ел сэндвичи, Кэролайн внимательно его разглядывала. Мэри развернула кресло чуть вбок, чтобы удобнее было смотреть на небо. Какое-то время никто не проронил ни слова. Колин допил апельсиновый сок и попытался встретиться глазами с Мэри. Затем Кэролайн, вновь вернувшись к подчеркнуто светской манере, спросила Колина, понравилось ли ему в городе.

— Да, конечно, — ответил Колин и улыбнулся Мэри, — если не считать того, что мы здесь постоянно теряемся.

Последовала еще одна короткая пауза, после которой они оба вздрогнули, когда Кэролайн ни с того ни с сего воскликнула во весь голос:

— Боже мой, как я могла забыть про вашу одежду! Я ее выстирала и высушила. Она в том запертом серванте, у вас в ванной.

Мэри никак не могла оторвать взгляд от множащихся с каждой минутой звезд.

— Очень мило с вашей стороны.

Кэролайн улыбнулась Колину:

— Знаете, я почему-то думала, что вы окажетесь человеком довольно спокойным.

Колин поправил полотенце:

— Так значит, вы обо мне уже наслышаны?

— Пока мы спали, Кэролайн заходила полюбоваться нами, — объяснила Мэри нарочито ровным тоном.

— Вы американка? — вежливо поинтересовался Колин.

— Канадка, если быть точной.

Колин многозначительно кивнул, как будто эта разница многое ему объясняла.

Кэролайн хихикнула и показала им маленький ключик:

— Роберту очень хотелось, чтобы вы остались и поужинали с нами. И он не велел мне отдавать

вам одежду, пока вы не согласитесь.

Колин вежливо рассмеялся, а Мэри сидела и смотрела, как Кэролайн раскачивает ключик из стороны в сторону, зажав его между большим и указательным пальцами.

— Ну что ж, в общем-то, как следует перекусить не помешало бы, — сказал Колин и посмотрел на Мэри, которая тут же перевела глаза на Кэролайн.

— Я бы предпочла сначала получить одежду, а уже потом принимать решение.

— Я тоже так подумала, но с Робертом не поспоришь. — Внезапно став очень серьезной, Кэролайн подалась вперед и положила руку на запястье Мэри. — Прошу вас, скажите, что вы останетесь. У нас так редко бывают гости.

В голосе у нее появились умоляющие нотки, и она принялась переводить взгляд с лица Колина на лицо Мэри и обратно.

— Я была бы так счастлива, если бы вы согласились. Кухня у нас здесь замечательная, я вас уверяю. — А потом добавила: — Если вы не останетесь, Роберт решит, что это я во всем виновата. Пожалуйста, соглашайтесь.

— Ладно тебе, Мэри, — сказал Колин. — Давай останемся.

— Пожалуйста! — В голосе Кэролайн звучала уже чуть ли не ярость.

Мэри удивленно глянула на нее, и обе женщины какое-то время молча смотрели друг на друга через стол. Мэри кивнула, и Кэролайн, вскрикнув от радости, тут же сунула ей ключ.

Глава шестая

Самые далекие звезды Млечного Пути были видны не как рассеянная тонкая пыль, а как вполне различимые светлые точки, и от этого более яркие созвездия казались угрожающе близкими. Сама тьма казалась осязаемой, теплой и липкой на ощупь. Мэри закинула руки за голову и смотрела на небо, а Кэролайн сидела на краешке кресла, как будто на изготовку, с гордостью переводя взгляд с лица Мэри на темный небосвод, так, словно за все это великолепие отвечала лично она.

— Я могу часами здесь сидеть. — Судя по всему, в ответ она ждала комплимента, но Мэри даже бровью не повела.

Колин взял со стола ключ и встал.

— У меня будет куда спокойней на душе, — сказал он, — если я надену что-нибудь еще кроме этого.

Он поправил маленькое полотенце в том месте, где оно обнажило бедро.

Когда он ушел, Кэролайн сказала:

— Ну разве не прелесть, когда мужчины дела-

ются застенчивыми?

Мэри ответила что-то насчет того, какие здесь яркие звезды и как редко в городе видишь ночное небо. Тон у нее был выдержанный и ровный.

Кэролайн подождала, пока последние отголоски вежливой застольной болтовни канут в Лету, а потом спросила:

— А вы давно знакомы с Колином?

— Семь лет, — ответила Мэри, даже не обернувшись, и тут же продолжила говорить о том, как ее дети — их имена, пол и возраст она высыпала мимоходом, россыпью коротких придаточных предложений — увлечены звездами, как они могут с ходу найти на небе дюжину с лишним созвездий, при том что она помнит одно-единственное, Орион, чей гигантский силуэт занял сейчас перед ними едва ли не полнеба: вложенный в ножны меч блестел не менее ярко, чем широко раскинутые члены.

Кэролайн бросила быстрый взгляд в нужную часть неба, дотронулась до руки Мэри и сказала:

— Простите, если я лезу не в свое дело, но вы — просто удивительная пара. Оба такие изящные, почти как двойняшки. Роберт сказал, что вы не женаты. А живете вместе?

Мэри сложила руки на груди и наконец переве-

ла взгляд на Кэролайн:

— Нет, не вместе.

Кэролайн убрала руку и стала смотреть на то место, где рука легла на колено — так, словно она больше ей не принадлежала. Ее маленькое лицо, превращенное окружающей темнотой и рамкой из убранных на затылок волос в геометрически безупречный овал, было в этой правильности своей совершенно заурядным, лишенным выражения и возраста. Если бы существовал специальный комитет по согласованию требований к человеческой внешности, то ее глаза, нос, рот, кожа и, собственно, вся она прошла бы по минимально допустимым требованиям. К примеру, рот ее был именно тем, что подразумевает само это слово, не более того: обрамленной губами впадиной чуть ниже носа.

Она подняла взгляд от колен и встретилась глазами с Мэри, но тут же уставилась в пол и задал а следующий вопрос:

— А что вы делаете — в смысле, чем зарабатываете на жизнь?

— Раньше работала в театре.

— Актриса! — Эта новость явно взбудоражила Кэролайн. Она неловко изогнулась в кресле, так, словно ни сидеть прямо, ни расслабить спину

больше не могла.

Мэри покачала головой:

— Я работала в женской театральной труппе. Три года все у нас шло хорошо, но теперь труппа распалась. Слишком много спорили между собой.

Кэролайн нахмурилась:

— Женский театр?.. Одни актрисы?

— Некоторые из нас хотели, чтобы в спектаклях были заняты и мужчины тоже, хотя бы время от времени. Другим казалось, что все должно идти так, как шло, старались блюсти чистоту идеи. Из-за этого труппа в конце концов и распалась.

— Пьеса, в которой заняты только женщины? Я не понимаю, как такое вообще возможно. Что же может в таком случае *происходить* на сцене?

Мэри рассмеялась.

— Происходить? — повторила она.

Кэролайн явно ждала объяснений. Мэри понизила голос чуть не до шепота и говорила теперь, полуприкрыв рот рукой, так, словно пыталась спрятать улыбку:

— Ну почему бы не вообразить пьесу о двух женщинах, которые только что познакомились и сидят, разговаривают на балконе?

Кэролайн просияла.

— Ну да, конечно. Но скорее всего, они все-таки ждут мужчину. — Она посмотрела на наручные часы. — Когда он вернется, они перестанут, разговаривать и пойдут в дом. И что-то произойдет…

Внезапно Кэролайн начали бить изнутри мелкие дробные смешки, это был бы настоящий смех, если бы она так прилежно не пыталась его подавить. Она выпрямилась в кресле и изо всех сил старалась не открывать рта. Мэри с серьезным видом кивнула и отвела глаза. Потом, резко набрав полную грудь воздуха, Кэролайн опять успокоилась.

— Как бы то ни было, — сказала Мэри, — я осталась без работы.

Кэролайн выгибала позвоночник то в одну, то в другую сторону; казалось, не было такой позы, которая не причиняла бы ей боль. Мэри спросила, не принести ли ей подушку, но Кэролайн, покачав головой, ответила:

— Больно бывает, когда я смеюсь.

Когда Мэри спросила о причинах этого несчастья, Кэролайн опять покачала головой и закрыла глаза.

Мэри вернулась в свою прежнюю позу и принялась смотреть на звезды и на огоньки рыбацких лодок. Кэролайн часто и шумно дышала, не

открывая рта. Через несколько минут, когда дыхание у нее немного успокоилось, Мэри сказала:

— В каком-то смысле вы, конечно, правы. Самые лучшие роли, как правило, пишутся для мужчин, и на сцене, и в жизни. При необходимости мы сами играли мужские роли. Удачнее всего у нас это получалось в кабаре, где можно было вволю над ними поиздеваться. Однажды мы даже поставили чисто женского «Гамлета». Причем довольно успешно.

— «Гамлета»? — Кэролайн произнесла это слово так, как будто в первый раз его услышала. И оглянулась через плечо. — Я этой пьесы так и не прочла. И в театре не была ни разу, с самой школы.

И тут в галерее у них за спиной зажегся яркий свет, сквозь стеклянные двери осветив балкон и нарезав его полосами глухой черной тьмы.

— Это не та пьеса, в которой призрак?

Мэри кивнула. Она вслушивалась в звук шагов, которые проследовали через всю галерею, а теперь вдруг резко замерли. Она не стала оборачиваться. Кэролайн внимательно на нее смотрела.

— И еще кого-то заточили в монастырь?

Мэри покачала головой. Снова раздались шаги

и тут же смолкли. Скрипнул стул, затем — последовательность металлических звуков, похожих на звяканье ножей и вилок.

— Там есть и призрак, — рассеянно сказала она, — и монастырь, но только на сцене он не появляется.

Кэролайн принялась выбираться из кресла. Едва она успела встать на ноги, как в поле зрения изящно вступил Роберт и отвесил легкий поклон. Кэролайн взяла поднос и протиснулась мимо него.

Они не сказали друг другу ни слова, и Роберт не посторонился, чтобы дать ей пройти. Он улыбнулся Мэри, и они оба стали слушать, как звучат в галерее постепенно удаляющиеся неровные шаги. Открылась и закрылась дверь, и все смолкло.

Роберт был одет так же, как прошлой ночью, и пахло от него тем же пряным лосьоном. В этом необычном освещении его фигура казалась еще более коренастой. Он заложил руки за спину и, сделав в сторону Мэри пару шагов, вежливо поинтересовался, хорошо ли они с Колином спали. Последовал обмен любезностями: Мэри выразила восхищение квартирой и видом с балкона; Роберт пояснил, что когда-то весь этот дом принадлежал его деду, но сам он, унаследовав семейную

собственность, разделил его на пять роскошных квартир и теперь живет с этих доходов. Он указал на кладбищенский остров и сказал, что и его дед, и его отец похоронены там, бок о бок. Затем Мэри перевела взгляд на хлопковую ночную рубашку и сказала, что просто обязана пойти и переодеться. Он вывел ее — под локоток — с балкона и проводил к огромному обеденному столу, настаивая на том, чтобы сперва она выпила с ним по бокалу шампанского. Четыре глубоких бокала на длинных, подкрашенных розовым ножках были расставлены на серебряном подносе вокруг бутылки шампанского. В это самое время в дальнем конце галереи из двери спальни вышел Колин и направился к ним. Они стояли у края стола и смотрели, как он идет в их сторону.

Колин преобразился. Он вымыл голову и побрился. Его одежду выстирали и выгладили. Особое внимание было уделено белоснежной сорочке, которая, как никогда, была ему к лицу. Черные джинсы сидели на нем как влитые. Он медленно, со смущенной улыбкой шел к ним, понимая, что они внимательно его разглядывают. Свет от люстры играл на темных завитках его волос.

— Вы чудесно выглядите, — сказал Роберт, ко-

гда между ними осталось еще несколько шагов, и с обескураживающей прямотой добавил: — Как ангел.

Мэри сияла улыбкой. Из кухни послышался звон тарелок. Она вполголоса повторила сказанную Робертом фразу, делая ударение на каждом слове:

— Вы… чудесно… выглядите, — и взяла его за руку.

Колин рассмеялся.

Роберт вынул пробку, и белая пена хлестнула вверх из узкого горлышка бутылки, он повернул голову в сторону и резко выкрикнул имя Кэролайн. Она тут же вышла из-за одной из белых дверей и заняла место рядом с Робертом, лицом к гостям. Когда все подняли бокалы, она тихо проговорила:

— За Колина и Мэри, — быстрыми глотками опустошила бокал и вернулась на кухню.

Мэри извинилась и вышла, и, как только двери в обоих концах галереи закрылись, Роберт налил Колину еще один бокал шампанского, подхватил его под локоть и вывел из мебельных закоулков туда, где они могли беспрепятственно прогуливаться вдоль галереи. Кончиками пальцев придерживая локоть Колина, Роберт принялся

объяснять ему особенности то одного, то другого предмета, принадлежавшего когда-то его деду и отцу; известный столяр-краснодеревщик сработал этот бесценный угловой столик с уникальной инкрустацией — они остановились перед столиком, и Роберт провел рукой по столешнице — специально для деда, в благодарность за юридическую помощь, которая помогла восстановить доброе имя дочери мастера; а после о том, какое отношение вот эти темные полотна на стене — их начал собирать еще дед — имеют к некоторым известнейшим школам, и о том, как его отцу удалось доказать, что некоторые мазки определенно принадлежат руке мастера, который, вне всякого сомнения, направлял работу ученика. А вот это — Роберт взял в руки маленькую серую модель знаменитого собора — было сделано из свинца, добытого на единственной в своем роде швейцарской шахте. Колину пришлось удерживать модель обеими руками. Дед Роберта, как выяснилось, владел несколькими паями в этом горнодобывающем предприятии, запасы руды там вскоре истощились, но равных тамошнему свинцу не было и нет во всем мире. Статуэтку, выплавленную из одного из последних добытых на шахте кусков этого свинца, заказал его отец.

Они двинулись дальше: рука Роберта по-прежнему лежала у Колина на локте, но легко, почти незаметно. Вот печатка деда, вот его оперный бинокль, отец тоже им пользовался, и оба они сквозь эту маленькую вещицу лицезрели премьеры, самые знаменитые выступления — здесь Роберт перечислил несколько опер, сопрано и теноров. Колин кивал и, по крайней мере поначалу, с заинтересованным видом задавал наводящие вопросы. Впрочем, особой нужды в них не было. Роберт подвел его к маленькому резному книжному шкафу из красного дерева. Здесь стояли любимые романы отца и деда. Сплошь первоиздания, с маркой известнейшего книгопродавца. Колину известен этот магазин? Колин сказал, что ему доводилось о нем слышать. Затем они оказались у серванта, в проеме меж двух окон. Роберт поставил стакан, и руки его тихо опустились вдоль туловища. Он стоял молча, склонив голову, как будто читал про себя молитву. Колин почтительно остановился в нескольких шагах от него и принялся разглядывать мелкие вещицы, которые словно нарочно собрали здесь для того, чтобы устроить на детском утреннике игру в «запомни все».

Роберт прокашлялся и сказал:

— Этими предметами отец пользовался каждый день.

Он выдержал паузу; Колин выжидающе на него смотрел.

— Маленькими этими предметами.

И снова — тишина; Колин пригладил волосы рукой, а Роберт все стоял и смотрел на щетки, трубки и бритвы.

Когда они наконец тронулись с места, Колин осторожно заметил:

— Ваш отец — очень значимая для вас фигура.

Они снова вернулись к обеденному столу и к бутылке шампанского, и Роберт тут же разлил остатки вина на двоих. Потом он сопроводил Колина к одному из кожаных кресел, но сам остался стоять в таком неудобном месте, что Колину, чтобы видеть его лицо, приходилось выворачивать голову и щуриться на свет люстры.

Роберт говорил тоном человека, который объясняет ребенку очевидные вещи:

— Мои отец и дед прекрасно понимали, кто они есть. Они были мужчинами и гордились своим полом. И женщины тоже прекрасно их понимали. — Роберт допил шампанское и добавил: — Не было никакой путаницы.

— Женщины делали то, что им было велено, —

сказал Колин, прищурившись от слишком яркого света.

Роберт сделал едва заметное движение рукой в сторону Колина.

— Нынешние мужчины в себе сомневаются, они сами себя ненавидят, даже сильнее, чем ненавидят друг друга. Женщины обращаются с мужчинами как с детьми, потому что просто не могут воспринимать их всерьез.

Роберт сел на подлокотник кресла и положил руку Колину на плечо. Голос у него стал тише:

— Но они любят мужчин. Во что бы они там, по их собственным словам, ни верили, на самом деле женщинам в мужчинах нравится агрессия, и сила, и власть. Это у них в крови. Только представьте себе, скольких женщин привлекает преуспевающий мужчина. Если бы то, что я говорю, не было правдой, женщины протестовали бы против каждой войны. А им, напротив, нравится посылать своих мужчин в бой. Пацифисты, как правило, мужчины. А женщины только и мечтают, что о твердой мужской руке, даже если сами презирают себя за это. Это у них в крови. Они сами себя обманывают. Они говорят о свободе, а мечтают о тюремной камере.

Все это время Роберт тихонько массировал

Колину плечо, Колин потягивал шампанское и смотрел прямо перед собой. Роберт уже не говорил, а едва ли не декламировал, как ребенок, повторяющий таблицу умножения:

— Мир, в котором мы живем, определяет строй наших мыслей. А создали этот мир мужчины. Так что и строй женских мыслей тоже определяется мужчинами. С самого раннего детства они видят вокруг себя мир, созданный мужчинами. Нынешние женщины обманывают себя, отсюда и путаница, и всяческие несчастья. Во времена моего деда все было совсем не так. И эти несколько предметов напоминают мне о тех временах.

Колин прочистил горло:

— Во времена вашего деда уже были суфражистки. И я не понимаю, что, собственно, вас беспокоит. Мужчины по-прежнему правят миром.

Роберт снисходительно рассмеялся.

— Но они это делают плохо. Они не верят в себя — как мужчины.

По галерее поползли запахи чеснока и жареного мяса. В животе у Колина зародился протяжный глухой звук, похожий на голос в телефонной трубке. Он подался вперед, высвободившись из-под руки Роберта.

— Итак, — сказал он, вставая, — это музей, посвященный старым добрым временам.

Тон у него был вежливый, но несколько напряженный.

Роберт тоже встал. Геометрически правильные линии, пересекавшие его лицо, стали глубже, улыбка остекленела и застыла. Колин на секунду развернулся, чтобы поставить стакан на подлокотник кресла, и, как только он выпрямился, Роберт ударил его кулаком в живот: мягкий, безо всякого напряжения удар, который мог бы показаться игривым, если бы единым духом не вышиб у Колина из легких весь воздух. Колин, согнувшись пополам, упал к ногам Роберта и принялся корчиться на полу, мучительно пытаясь вдохнуть, отчего из горла у него вырывались похожие на смех звуки. Роберт переставил пустые стаканы на стол. Вернувшись, он помог Колину подняться на ноги и заставил его нагнуться и тут же выпрямиться несколько раз подряд. Наконец Колин оттолкнул его и принялся ходить по галерее, то и дело набирая полную грудь воздуха. Потом он вынул платок, промокнул глаза и мутным взглядом проводил Роберта, который прикурил сигарету и двинулся к кухонной двери. Не доходя до нее нескольких шагов, он обернулся

и подмигнул Колину.

Колин сидел в углу и смотрел, как Мэри помогает Кэролайн накрывать на стол. Время от времени Мэри бросала на него тревожный взгляд. Один раз она пересекла комнату по диагонали и сжала ему руку. Роберта не было, пока на столе не появилось первое блюдо. Он переоделся в светло-кремовый костюм и повязал узкий черный шелковый галстук. Поданы были бульон, бифштекс, салат из зелени и хлеб. Две бутылки красного вина. Они сидели на одном конце длинного обеденного стола, довольно тесно, Кэролайн и Колин с одной стороны, Роберт и Мэри с другой. В ответ на расспросы Роберта Мэри принялась говорить о своих детях. Ее десятилетнюю дочь наконец-то отобрали в школьную футбольную команду, и в первых же двух матчах мальчишки так зверски ее блокировали, что она потом целую неделю пролежала в постели. Перед следующим матчем она, чтобы избежать столь откровенной травли, остригла волосы и даже забила гол. Ее сын, он на два с половиной года младше, может пробежать всю беговую дорожку вокруг местного стадиона из начала в конец меньше чем за девяносто секунд. Когда она закончила говорить, Роберт, который все это время откровенно ску-

чал, безучастно кивнул и занялся едой.

В самой середине ужина повисла долгая пауза, нарушаемая только стуком вилок и ножей о тарелки. Затем Кэролайн задала несколько нервических, путаных вопросов о школе, в которой учатся дети, и Мэри пришлось пространно рассказывать о недавно вступивших в силу законодательных актах и о неудаче, постигшей движение за школьную реформу. Когда она обратилась за дополнительной информацией к Колину, тот ответил так коротко, как только мог; а когда Роберт перегнулся через стол, дотронулся до руки Колина и указал на почти пустой стакан, тот отвернулся и стал поверх головы Кэролайн смотреть на книжный шкаф, битком набитый газетами и журналами. Мэри оборвала свой монолог едва ли не на полуслове, извинилась за то, что слишком много говорит, но в голосе у нее при этом прозвучала раздраженная нотка. Роберт улыбнулся и взял ее за руку. И в эту же самую минуту отправил Кэролайн на кухню за кофе.

Не выпуская руки Мэри, он чуть повернул голову, так, чтобы теперь его улыбка досталась и Колину.

— Сегодня у меня в баре начинает работать новый управляющий. — Он поднял стакан. — За

моего нового управляющего.

— За вашего нового управляющего, — откликнулась Мэри. — А что стряслось со старым?

Колин взял стакан, но поднимать его не стал. Роберт пристально на него посмотрел, и, когда Колин наконец выпил, Роберт сказал так, словно давал дурачку урок вежливости:

— За нового управляющего Роберта.

Он налил вина в стакан Колину и повернулся к Мэри.

— Старый управляющий был старый, а теперь у него еще и сложности с полицией. А новый управляющий. — Роберт поджал губы и, бросив быстрый взгляд на Колина, резким напряженным жестом сделал из указательного и большого пальцев маленький кружок, — он знает, как решаются сложные вопросы. Он знает, когда нужно действовать. Он никому не позволит взять над собой верх.

Колин на какое-то время встретился глазами с Робертом.

— Судя по всему, именно такой человек и был вам нужен, — вежливо сказала Мэри.

Роберт кивнул и с победным видом улыбнулся ей в ответ.

— *Именно* такой человек, — сказал он и отпу-

стил ее руку.

Когда Кэролайн вернулась из кухни с кофе, она застала Колина растянувшимся в шезлонге; Роберт и Мэри сидели за столом и беседовали вполголоса. Она принесла Колину его чашку и присела с ним рядом, подмигнув ему и опершись между делом о его колено. Бросив через плечо быстрый взгляд в сторону Роберта, она принялась расспрашивать Колина о работе и родственниках, но по тому, как ее глаза шарили по его лицу, пока он говорил, по готовности в любой момент задать следующий вопрос, было ясно, что слушает она его вполуха. Судя по всему, предметом столь жадного интереса с ее стороны был самый факт разговора, а вовсе не его содержание; она даже чуть склонила голову в его сторону, словно старалась омыть лицо в потоке его речи. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому Колин говорил легко и просто, сперва о том, как у него не вышло стать певцом, потом о своей первой актерской работе, потом о семье.

— А затем отец мой умер, — сказал он под конец, — а мать во второй раз вышла замуж.

У Кэролайн уже вертелся на языке следующий вопрос, но на сей раз она задавать его не спешила. Позади нее зевнула за столом Мэри — и встала.

— Может быть, вы… — Кэролайн замолкла, а потом начала снова: — Вы, наверное, скоро уедете домой.

— На следующей неделе.

— Но вы же придете к нам еще раз? — Она коснулась его руки. — Обещайте, что непременно придете.

Колин был вежлив и уклончив.

— Ну да, почему бы и нет.

Но Кэролайн была настойчива:

— Нет, я серьезно, это очень важно.

Мэри уже шла в их сторону; Роберт тоже поднялся из-за стола. Кэролайн понизила голос до шепота:

— Я не могу спуститься вниз по лестнице.

Мэри остановилась было с ними рядом, но, услыхав шепот Кэролайн, прошла чуть дальше, к книжному шкафу, и взяла с полки журнал.

— У меня такое впечатление, что нам пора, — обернулась она в их сторону.

Колин с благодарностью кивнул ей и попытался встать, но Кэролайн схватила его за руку и тихо сказала:

— Я вообще не могу выйти из дома.

Роберт подошел к Мэри, встал возле шкафа, и они принялись вдвоем разглядывать большую

фотографию. Она взяла ее в руки. Человек стоит на балконе и курит. Фотография была зернистая и нечеткая, снимок явно сделали с большого расстояния и увеличивали многократно. Он позволил ей несколько секунд подержать фото, потом взял его у нее из рук и поставил обратно на полку.

Колин и Кэролайн встали, Роберт отворил дверь и включил свет над лестницей. Колин и Мэри поблагодарили Роберта и Кэролайн за гостеприимство. Роберт объяснил Мэри, как добраться до гостиницы.

— Не забудьте… — сказала Колину Кэролайн, но остальных ее слов он не расслышал, потому что Роберт закрыл дверь.

Спустившись по первому лестничному пролету, они услышали позади резкий звук, похожий, как позже говорила Мэри, на звук падения какого-то предмета или пощечины. Они спустились по лестнице вниз, пересекли маленький дворик и вышли на неосвещенную улицу.

— Ну, — сказал Колин, — и куда теперь?

Глава седьмая

В течение следующих четырех дней Колин и Мэри выходили из гостиницы только для того, чтобы, перейдя через оживленную улицу, занять столик в кафе-понтоне, до которого солнце добиралось на два часа раньше, чем до их собственного балкона. Ели они теперь исключительно в гостинице, в тесной столовой, где не только накрахмаленные скатерти, но и сама еда была в желтых и зеленых пятнах — от цветных витражных стекол в окнах. Прочие постояльцы оказались людьми любезными и любопытными, они вежливо подавались в сторону соседского столика, чтобы поделиться наблюдениями о не слишком известных храмах, о запрестольном образе работы некоего своенравного художника, принадлежавшего к известной школе, о ресторанчике, в который ходят только местные.

Всю дорогу от квартиры Роберта до гостиницы они прошли, держась за руки; и уснули в одной постели. Проснувшись, они с удивлением обнаружили, что лежат обнявшись. Секс удивил их еще того пуще, потому что такого мощного,

всеобъемлющего удовольствия, таких острых, едва ли не болезненных приступов возбуждения они оба не помнили — как выяснилось позже, в вечернем разговоре на балконе, — со времен семилетней давности, когда они только-только познакомились. Неужели они и правда так легко об этом забыли? На все про все ушло меньше десяти минут. Они долго лежали лицом к лицу, удивленные и взволнованные. Они вместе отправились в ванную. Хихикая, стояли под душем и намыливали друг друга. Тщательно вымывшись и надушившись, они вернулись в постель и занимались сексом до середины дня. Голод погнал их вниз, в крохотную столовую, где от серьезных разговоров соседей-постояльцев они принялись хихикать, как парочка школьников. Они съели на двоих три основных блюда и выпили три литра вина. Они держались — поверх стола — за руки и говорили о родителях и о детстве так, словно только что познакомились. Прочие постояльцы бросали на них одобрительные взгляды. По прошествии трех с половиной часов они вернулись к своей постели и обнаружили на ней свежие простыни *и* наволочки. Лаская друг друга, они уснули, а когда, ближе к вечеру, проснулись, короткое потрясающее утреннее чудо случилось

еще раз. Они опять искупались вдвоем, на сей раз без мыла, и слушали как зачарованные мужчину, который на противоположной стороне двора тоже мылся в душе и пел свою арию: *«Mann und Weib, Weib und Mann».* Им в номер принесли на подносе аперитивы; на серебряном блюдечке тонко нарезанные дольки лимона, в серебряном ведерке кучкой навалены кубики льда. Поднос они вынесли на балкон, где, прислонившись к окантованной геранями стене, они, затягиваясь косячком, стали смотреть на закат и на прохожих.

Таким образом, с минимальными вариациями, и устоялся распорядок на ближайшие три дня. Они смотрели через канал на большой собор, они время от времени упоминали название ресторана, который дома рекомендовали им друзья, в полуденном пекле им приходила на память тенистая прохлада некой маленькой улочки, проложенной вдоль заброшенного канала, но сколько-нибудь серьезных попыток выбраться из гостиницы они не предпринимали. На второй день, ближе к вечеру, они даже оделись для вылазки в город, но тут же рухнули обратно на кровать, стягивая друг с друга одежду и хохоча над тем, насколько они все-таки безнадежны.

Они до поздней ночи засиживались на балконе с несколькими бутылками вина, в свете неоновой вывески, которая заглушала свет звезд, и снова говорили о детстве, время от времени выкапывая в памяти то, чего раньше не помнили, формулируя на ходу теории о прошлом и о памяти как таковой; каждый давал другому волю говорить хоть целый час — не перебивая. Это был праздник, посвященный взаимопониманию и тому факту, что, несмотря на столь долгое знакомство, они по-прежнему в состоянии вызвать друг в друге такую страсть. Они поздравляли друг друга. Они удивлялись этой страсти и описывали ее; сейчас она значила больше, чем семь лет тому назад. Они вспоминали всех своих друзей, женатые и неженатые пары; подобной полнотой любовного чувства похвастаться не мог никто. Они не обсуждали своей ночевки у Роберта и Кэролайн. Если об этом вообще заходила речь, то разве что вскользь: «Когда мы шли от Роберта, я подумал…» или «Я смотрела на звезды с того балкона…»

Потом они начали говорить об оргазмах и о том, испытывают ли мужчины и женщины одни и те же ощущения — или же совершенно различные; совершенно различные, согласились они, но не является ли это различие культурно

обусловленным? Колин сказал, что он довольно долго завидовал женским оргазмам и что ему случалось испытывать ноющее ощущение пустоты, похожее на желание, где-то между мошонкой и анусом; ему казалось, что это хотя бы отчасти может быть похоже на женское желание. Мэри описала, а потом оба они осмеяли один эксперимент, о котором она прочитала в газете и целью которого было ответить на этот самый вопрос: испытывают ли мужчины и женщины одно и то же. Добровольцам, мужчинам и женщинам, выдали список из двухсот фраз, прилагательных и наречий, и попросили выделить десять пунктов, которые в наибольшей степени подошли бы для того, чтобы описать испытанные каждым из них оргазмы. Второй группе предложили взглянуть на результаты и определить пол каждого из добровольцев, а поскольку правильных ответов было примерно столько же, сколько неправильных, был сделан вывод, что мужчины и женщины испытывают одинаковые ощущения. Логичнейшим образом они перекинулись на политические аспекты полового вопроса и стали говорить, уже в который раз, о патриархате, который, по словам Мэри, представляет собой наиболее действенный и всеобщий организаци-

онный принцип, формирующий как социальные институты, так и отдельные человеческие судьбы. Колин ответил на это своим обычным тезисом о том, что классовое господство — вещь куда более фундаментальная. Мэри покачала головой, но даже и спор этот велся ради того, чтобы найти общую почву.

Они вернулись к родителям; к тому, какие черты каждый из них унаследовал от отца и от матери: какое воздействие взаимоотношения между отцом и матерью оказали на их дальнейшую жизнь и на их нынешние отношения. Они так часто употребляли слово «отношения», что оно окончательно им надоело. Они согласились, что разумной альтернативы ему все-таки нет. Мэри говорила о себе как о родителе, Колин говорил о себе как о псевдородителе для детей Мэри; все догадки, все страхи и воспоминания выстраивались так, чтобы подтверждать теории о своем собственном характере или о характере другого — так, словно, возродившись через неожиданно вспыхнувшую страсть, они теперь должны были заново изобретать самих себя, давать себе имена, как дают имя новорожденному ребенку или новому персонажу, внезапно появившемуся на страницах романа. Время от времени они возвра-

щались к проблеме старения; внезапного (или все-таки постепенного?) осознания того, что они уже не самые молодые взрослые люди из всех, кого они знают, что тела их отяжелели, перестали быть теми саморегулирующимися механизмами, на которые можно вовсе не обращать внимания, что отныне за ними нужно будет внимательно наблюдать и сознательно поддерживать в нужной форме. Они согласились, что, пусть даже эта идиллия их и омолодила, обманываться не стоит; они согласились, что становятся старше и когда-нибудь умрут, и эти зрелые мысли, как им казалось, сообщают их страсти дополнительную глубину.

По большому счету именно чувство согласия позволило им так долго и терпеливо бродить от темы к теме, так что в четыре часа утра они все еще сидели на балконе, переговариваясь вполголоса, среди разложенных на полу под ногами полиэтиленового пакета с марихуаной, упаковок «Ризлы»[1] и пустых винных бутылок; и это согласие было не только и не столько следствием их нынешнего состояния. Прежде в их разговорах

[1] Примечания: 1

Марка папиросной бумаги. Стомиллиметровые риздовские бумажки «King size» особенно популярны среди курильщиков марихуаны. *(Прим. перев.)*

на важные темы (а такие с годами, естественно, случались все реже и реже) соблюдалась негласная договоренность, заключавшаяся в том, что предмет разговора лучше всего поддается анализу, если встать на противоположную точку зрения, даже если сам ты и не в состоянии в полной мере с ней согласиться; факт противоречия был куда важнее самой продуманной и аргументированной позиции. Идея, если это была идея, а не привычное состояние души, состояла в том, что противоборствующие стороны, опасаясь контраргументов, будут вести дискуссию куда осмотрительнее и скрупулезнее, как ученые, предлагающие коллегам инновацию. В результате, по крайней мере в случае с Колином и Мэри, заданная тема не столько исследовалась, сколько множилась в оговорках и повторах, растекалась по бесчисленным, не имеющим отношения к делу, но тщательно проговоренным деталям и постепенно начинала вызывать раздражение. И вот теперь взаимная готовность поддержать друг друга словно освободила их, и они носились, как дети по лужам, от темы к теме.

Но, несмотря на все эти дискуссии, на тщательный анализ всего на свете, вплоть до самого механизма дискуссии, они так и не смогли выйти

на причину происшедших с ними перемен. Их разговоры по сути своей были таким же элементом праздника, как занятия сексом; и в том и в другом случае они не пытались выйти за пределы настоящего момента. Они цеплялись друг за друга, как в сексе, так и в разговоре. Пока они стояли в душе, родилась шутка: а что, если они скуют себя друг с другом наручниками и выбросят ключ. Сама эта мысль тут же их возбудила. Не тратя времени на полотенца или на то, чтобы выключить воду, они помчались обратно в постель, чтобы изучить ее как следует. Теперь им нравилось во время секса шептать друг другу на ухо истории, которые рождались из ниоткуда, из темноты, истории, которые перетекали в стоны и всхлипы полной самоотдачи, которые вырывали из уст зачарованного слушателя согласие на пожизненное порабощение и унижение. Мэри шептала Колину о том, как она собирается нанять хирурга, чтобы тот ампутировал ему руки и ноги. Она будет держать его в специальной комнате у себя дома и использовать исключительно для секса, а иногда одалживать его подругам. Колин изобрел для Мэри большую замысловатую машину, сделанную из стали, выкрашенную в ярко-красный цвет, на электрической тяге; там

были поршни и рычаги, датчики и ременные передачи, и, если ее включить, она будет издавать низкий гудящий звук — и Колин принялся гудеть Мэри в ухо. Как только Мэри привяжут к этой машине, присоединят трубки, через которые будут поступать питательные вещества и удаляться шлаки, машина начнет ебать ее, не часами или неделями, а целые годы напролет, еще и еще, всю оставшуюся жизнь, пока она не умрет, и даже после этого, покуда Колин, или его правопреемник, не выключит ток.

Потом, после того как они приняли душ, надушились, налили себе по стаканчику и сели на балконе, глядя сквозь горшки с геранью на фланирующих внизу по улице туристов, эти рассказанные шепотом истории стали казаться им безвкусными, глупыми, и они даже не стали к ним возвращаться.

Теплыми ночами, на узкой односпальной кровати, их привычное объятие выглядело так: Мэри обнимала Колина руками за шею, а Колин ее — за талию, и ноги при этом переплетались. В лечение дня, даже если на какое-то время все темы для разговора и всяческие желания истощались, они держались рядышком, порою задыхаясь от тепла чужого тела, но не будучи в силах оторваться

хотя бы на миг: словно боялись, что одиночество, закравшаяся в голову сторонняя мысль, разрушит все то, что у них есть — на двоих.

И страх этот не был беспричинным. Утром четвертого по счету дня Мэри проснулась раньше Колина и потихоньку выбралась из постели. Она наскоро вымылась и оделась, и двигалась она не то чтобы украдкой, но все-таки достаточно осторожно; когда она взялась за ручку входной двери, движение было сосредоточенным и плавным, в противоположность обычному, быстрому и автоматическому повороту запястья. Снаружи было прохладнее, чем обычно в половине одиннадцатого, и воздух был чист необычайно; казалось, солнце старается вылепить каждый предмет в мельчайших деталях да еще и подчеркнуть их непроницаемо-черными тенями. Мэри перешла через дорогу к понтону и заняла столик в самой дальней его части, поближе к воде, на самом солнышке. Но даже на солнце ей, с голыми руками, было совсем не жарко; надев темные очки и пробежавшись взглядом по-над столиками в поисках официанта, она ощутила легкий озноб. В кафе она была единственным посетителем; может быть, первым за сегодняшнее утро., Из занавешенной двери на другой стороне улицы вышел официант

и дал ей понять, что он ее видит. Потом он пропал из виду и появился чуть позже, с подносом, на котором стояла большая дымящаяся кружка. Поставив ее на стол, он дал понять, что это за счет заведения, и, хотя Мэри предпочла бы кофе, она с благодарностью приняла кружку горячего шоколада. Официант улыбнулся и проворно крутанулся на каблуках. Мэри развернула стул так, чтобы можно было видеть балкон и закрытые ставнями окна их номера. Почти у самых ее ног вода сонно плескалась о резиновые покрышки, которыми понтон был обвешан по краю для защиты от швартующихся здесь железных барж.

Через десять минут, как будто привлеченные ее одиноким присутствием, в кафе появились другие посетители и заняли еще несколько столиков: к ее официанту присоединился еще один, и оба они не стояли без дела.

Она потягивала горячий шоколад и смотрела на большой собор на другом берегу канала и на сгрудившиеся вокруг него дома. Время от времени машина, проезжавшая по набережной, ловила лобовым стеклом солнце и посылала ей над водой солнечный зайчик. Людей на таком расстоянии было совсем не видно. Затем, поставив на стол пустую чашку, Мэри оглянулась и

увидела на балконе Колина, одетого: он стоял и улыбался ей с расстояния примерно шестьдесят футов. Она радостно улыбнулась ему в ответ, но, когда Колин чуть-чуть поменял позу, как будто переступив через что-то невидимое у себя под ногами, ее улыбка застыла, а потом и вовсе исчезла. Она озадаченно посмотрела на столик, прямо перед собой, а потом еще раз бросила взгляд через плечо, на канал. Мимо шли две веселые лодки, и люди в них оживленно перекликались между собой. Мэри снова перевела взгляд на балкон и даже заставила себя улыбнуться, но как только Колин исчез из виду, она уставилась невидящим взглядом в сторону далекой набережной, чуть наклонив голову, с таким видом, словно боролась, отчаянно и безуспешно, с собственной памятью, — и сидела так все те несколько секунд, пока была одна, пока к ней не присоединился Колин. Когда Колин подошел, они поцеловались, сели рядышком и просидели так два часа.

Остаток дня прошел точно так же, как и предыдущие три: они ушли из кафе и вернулись в номер как раз к тому времени, как горничная закончила уборку. Они столкнулись с ней в дверях, одной рукой горничная прижимала к себе ком грязных простыней и наволочек, а в другой несла корзину

для мусора, наполовину заполненную бумажными обертками и обрезками колиновских ногтей. Чтобы пропустить ее, им пришлось прижаться к стене, а потом они слегка смущенно ответили на ее вежливое: «Доброе утро». В постели они оставались менее часа, два часа провели за ланчем, вернулись в постель, на сей раз для того, чтобы поспать, проснувшись, занялись сексом, потом немного полежали, приняли душ, оделись и просидели всю оставшуюся часть вечера, до и после ужина, у себя на балконе. Все это время Мэри выглядела чем-то встревоженной, и Колин несколько раз пробовал заговорить на эту тему. Она соглашалась, да, что-то не так, но это где-то в подсознании, так что не докопаешься, объясняла она: словно видела яркий сон, а потом не можешь вспомнить. Вечером они решили, что попросту засиделись на месте, и стали строить на завтра планы: сесть на пароходик и съездить на другую сторону лагуны, на тамошнюю песчаную косу с пляжами, выходящими в отрытое море, куда все здесь ездят купаться. Засим последовал долгий и блаженный разговор — они только что выкурили очередной косячок — о плавании, о том, кто какие предпочитает стили, о сравнительных достоинствах рек, озер, плавательных бассейнов и морей,

с попытками как можно точнее определить природу той притягательности, которой обладает для человека вода; не память ли это о наших древних морских предках? Тема памяти снова заставила Мэри нахмуриться. После этого разговор утратил связность, и они отправились в постель раньше обычного, вскоре после полуночи.

В половине шестого утра Мэри проснулась с криком, который, видимо, был уже не первым, и села. Сквозь ставни просачивался блеклый сумеречный свет, и те предметы обстановки, что посветлее, уже можно было различить в темноте. Из соседнего номера донесся звук человеческого голоса, а потом включили или выключили свет. Мэри обхватила руками колени, ее била дрожь.

Колин тоже проснулся. Он протянул руку и погладил ее по спине.

— Страшный сон приснился? — спросил он.

Мэри дернулась и отшатнулась от его прикосновения. Когда он снова дотронулся до нее, на этот раз положив руку на плечо так, словно собирался уложить ее обратно, рядом с собой, она вывернулась и встала с постели.

Колин тоже сел. Мэри стояла у изголовья и пристально смотрела на вмятину в его подушке. В соседнем номере кто-то прошел через всю ком-

нату, дверь отворилась, шаги послышались уже в коридоре и разом оборвались, как будто человек остановился, чтобы как следует прислушаться.

— В чем дело, Мэри? — спросил Колин и попытался взять ее за руку.

Она отстранилась, но взгляд ее остался прикованным к его лицу, встревоженный и отстраненный, как у человека, который с вершины горы наблюдает за катастрофой. В отличие от Мэри Колин спал голым, и теперь, нашаривая рубашку и поднимаясь с кровати, он зябко поеживался. Они стояли и смотрели друг на друга, а между ними белела пустая постель.

— Ты здорово испугалась, — сказал Колин и начал обходить кровать.

Мэри кивнула и двинулась к застекленной балконной двери. Шаги в коридоре пошли по удаляющейся, хлопнула дверь соседнего номера, скрипнули пружины и щелкнул выключатель. Мэри вышла на балкон.

Колин наскоро оделся и пошел следом. Он начал было говорить что-то успокаивающее и задавать вопросы, но она прижала палец к губам. Она оттолкнула в сторону низенький столик и жестом велела Колину подойти и встать на это место. По-прежнему пытаясь что-то выяснить,

Колин тем не менее послушно остановился там, где она велела. Она развернула его так, чтобы он смотрел поверх канала, на ту часть неба, где по-прежнему была ночь, и подняла его левую руку, так чтобы она легла на балконную перегородку; правую она подняла повыше, к самому его лицу, и попросила держать так. Потом отступила на несколько шагов назад.

— Ты такой красивый, Колин, — прошептала она.

Колину внезапно пришла в голову очень простая мысль, и он резко развернулся к ней.

— Ты ведь не бредишь, Мэри, правда?

Он сделал шаг по направлению к ней, и на сей раз, вместо того чтобы пятиться, она прыгнула вперед, обхватила его руками за шею и принялась отчаянно целовать в лицо и в голову.

— Я так перепугалась. Я тебя люблю, и я так перепугалась, — запричитала она.

Тело ее напряглось, ее начала бить дрожь настолько сильная, что застучали зубы и она уже не могла больше говорить.

— Что случилось, Мэри? — быстро спросил Колин и крепко обнял ее.

Она тянула его за рукав рубашки, пытаясь опустить его руку вниз.

— Ты действительно проснулась, совсем-совсем? Тебе приснился страшный сон.

— Прикоснись ко мне, — сказала наконец Мэри. — Просто прикоснись ко мне.

Колин отстранился и осторожно встряхнул ее за плечи. Голос у него стал хриплым.

— Ты должна мне рассказать, что с тобой происходит.

Мэри как-то вдруг успокоилась и позволила увести себя в комнату. Она стояла и смотрела, пока Колин перестилал постель. Когда они легли, она сказала:

— Прости, что напугала тебя, — поцеловала его и потянула его руку вниз, к себе между бедер.

— Перестань, — сказал Колин. — Расскажи мне, что случилось.

Она кивнула и откинулась на подушку, подсунув под голову руку.

— Прости, — через несколько минут снова сказала она.

— Так что все-таки случилось? — сквозь зевок спросил он, но отвечать Мэри явно не торопилась.

В сторону доков с низким вибрирующим звуком прошло судно. Когда звук затих, Мэри сказала:

— Я проснулась и кое-что поняла. Если бы до

меня дошло днем, меня бы это так не напугало.

— Ага, — сказал Колин.

Мэри подождала.

— Ты не хочешь знать, о чем идет речь?

Колин пробормотал что-то утвердительное. Мэри опять выдержала паузу.

— Ты не спишь?

— Нет.

— На той фотографии у Роберта был ты.

— На какой фотографии?

— В квартире у Роберта я видела фотографию, и на ней был ты.

— Я?

— Снимок, скорее всего, сделали с лодки, на некотором расстоянии от кафе.

Нога у Колина резко дернулась.

— Я такого не помню, — сказал он через некоторое время.

— Ты засыпаешь, — сказала Мэри. — Проснись, пожалуйста, хотя бы на чуть-чуть.

— Я не сплю.

— Когда сегодня утром я сидела в кафе, я увидела на балконе тебя. И все никак не могла сообразить. А потом проснулась, и до меня дошло. Роберт показывал мне ту фотографию. Колин? Колин?

Он лежал совершенно спокойно и еле слышно

дышал.

Глава восьмая

Хотя день выдался самый жаркий за все проведенное ими здесь время и небо в зените казалось скорее черным, чем синим, море, когда они в конце концов спустились к нему по оживленной, сплошь застроенной ресторанчиками и сувенирными лавками улице, было маслянисто-серого цвета, и по его поверхности еле заметные дуновения бриза взбивали и гоняли клочья грязновато-белой пены. У кромки воды, там, где разбивались о соломенного цвета песок миниатюрные волны, играли и вопили дети. Чуть дальше виднелся одинокий пловец, выпрастывающий из воды попеременно то одну, то другую руку, но большая часть той огромной толпы, которая тянулась по обе стороны от воды и исчезала в знойном мареве, собралась здесь только для того, чтобы пожариться на солнце. Большие семьи, сгрудившись вокруг складных столиков, готовились к трапезе, выставляя блюда с ярко-зеленым салатом и темные бутыли с вином. Мужчины и женщины, пришедшие на пляж поодиночке, лежали ничком на полотенцах, их намазанные

маслом тела глянцево блестели. Из транзисторных радиоприемников неслась музыка, и время от времени, перекрывая даже гомон резвящихся детей, раздавался характерный, на нисходящей интонации, родительский окрик: имя ребенка.

Колин и Мэри отшагали две сотни метров по горячему, вязкому песку, мимо одиноких мужчин с сигаретами и книгами в мягкой обложке, мимо влюбленных парочек и целых домохозяйств с дедушками и бабушками и потными младенцами в колясках, в поисках единственно правильного места, около воды, но не слишком близко от поднимающих брызги детей, как можно дальше от ближайшего транзистора и от семейства с двумя жизнерадостными немецкими овчарками, но так, чтобы по возможности не нарушить интима намасленной парочки на розовом полотенце и чтобы рядом не было бетонной урны, над которой кружит плотное облако иссиня-черных мух. Каждое потенциально подходящее место отвергалось как минимум по одному из параметров. Один пустой пятачок выглядел вполне подходящим, если бы не разбросанная в самой середине куча мусора. Минут через пять они вернулись на этот же самый пятачок и принялись перетаскивать пустые бутылки и банки и недоеденные куски

хлеба к ближайшей бетонной урне, но тут из моря выбежали отец и сын с зализанными соленой водой черными волосами и настояли на том, чтобы их пикник оставили в полной неприкосновенности. Колин и Мэри пошли дальше, согласившись — они в первый раз заговорили между собой с тех пор, как сошли с пароходика, — что идеальный пляж представляется им неким максимально возможным приближением к уединенности и уюту их гостиничного номера.

В конечном счете они обосновались неподалеку от двух девочек-подростков, на которых небольшая компания молодых мужчин пыталась произвести впечатление, неловко кувыркаясь через голову и швыряя друг другу в глаза песок. Колин и Мэри расстелили рядышком два полотенца, разделись до купальных костюмов и сели лицом к морю. Вдоль берега проследовал катер, который тянул за собой человека на водных лыжах, несколько чаек и мальчик с металлическим коробом на шее — продавец мороженого. Двое молодых людей принялись настолько отчаянно лупить по руке одного из своих товарищей, что девочки-подростки попытались выступить в его защиту. Тут же мужчины, все до единого, уселись на корточки — подковой вокруг барышень — и

представились. Колин и Мэри крепко держались за руки и перебирали пальцами, напоминая самим себе, что даже и в полном молчании они постоянно думают друг о друге.

За завтраком Мэри заново пересказала всю историю с фотографией. Она не пыталась давать какие бы то ни было оценки: только факты, в той последовательности, в которой они являлись ей самой. Пока она говорила, Колин кивал, поддакивал в тех местах, которые запомнил еще ночью, пару раз переспросил, уточняя отдельные детали («А на фотографии были горшки с геранью?» — «Да.» — «А в какую сторону падали тени?» Этого она не помнила), но с выводами не спешил. По большей части он просто кивал и устало тер глаза. Мэри попыталась положить руку ему на плечо и локтем сшибла молочник. Наверху, когда они переодевались, чтобы пойти на пляж, она утянула его в постель и крепко прижала к себе. Она целовала его лицо, старалась поуютнее угнездить его голову у своих грудей и повторяла ему, снова и снова, как она его любит и как она обожает его тело. Она положила руку на его голый упругий зад и стиснула ягодицу. Он провел губами по ее грудям и глубоко ввел в нее указательный палец. Он подобрал колени, он начал целовать и

зарываться в нее лицом, а Мэри раскачивалась взад-вперед, повторяя его имя; затем, наполовину плача, наполовину смеясь, она сказала:

— Почему так страшно, когда настолько сильно кого-нибудь любишь? Откуда такой ужас?

Но в постели они не остались. Они напомнили друг другу о том, что хотели выбраться на пляж, и расцепились, чтобы уложить в сумку полотенца.

Колин лежал на животе, а Мэри села на него верхом и принялась натирать ему спину маслом. Закрыв глаза, он повернул голову вбок, подложив под щеку ладонь, и в первый раз рассказал Мэри о том, как Роберт его ударил. Он подробно изложил ход событий, без лирических отступлений и отсылок к собственным чувствам, тогдашним или теперешним; просто сам разговор, насколько он его помнил, кто где находился и точную последовательность действий. Пока он говорил, Мэри массировала ему спину, от основания позвоночника вверх, разминая маленькие твердые мышцы быстрыми движениями больших пальцев, пока не добралась до неподатливых сухожилий на шее.

— Больно, — сказал Колин.

Мэри ответила:

— Продолжай. Чем все кончилось?

На сей раз он рассказал ей о том, что шептала ему Кэролайн, когда они уходили. У них за спиной ровное журчание мужских голосов все прибавляло и прибавляло в силе и громкости, пока не взорвалось вдруг общим смехом, немного нервным, но добродушным; потом девушки начали говорить друг с другом, негромко и очень быстро, и снова общий смех, менее нервный, более мягкий. Сквозь человеческие голоса доносился убаюкивающий звук волн, накатывающих через неравные интервалы времени, и звук этот приобретал еще больший снотворный эффект, когда волны вдруг принимались демонстрировать бездонную сложность возможных вариантов движения, разбиваясь одна за другой быстрым стаккато. Солнце давило, как громкая музыка. Речь Колина стала менее ясной. Движения Мэри — менее уверенными, более ритмичными.

— Я слышала, что она говорила, — сказала она, когда Колин закончил.

— Она там как заключенный, — сказал Колин, а потом добавил, тоном куда более уверенным: — Она и есть заключенный.

— Я знаю, — сказала Мэри.

Она сложила руки вместе и принялась разминать Колину шею ленивыми круговыми

движениями, попутно пересказывая свой разговор с Кэролайн на балконе.

— Почему ты раньше мне об этом не рассказала? — спросил он под конец.

Мэри замешкалась.

— А почему *ты* мне ничего не рассказал?

Она слезла с него, и они снова уселись каждый на своем полотенце, лицом к морю.

После долгой паузы Колин проговорил:

— Очень может быть, что он ее бьет.

Мэри кивнула.

— И при этом… — он захватил пригоршню песка и стал сыпать его тонкой струйкой на пальцы ног, — и при этом создается такое впечатление, что она вполне…

Окончание фразы повисло в воздухе.

— Вполне довольна жизнью? — мрачно переспросила Мэри. — Ну да, известное дело, все женщины любят, когда их бьют.

— Тебе никогда не было противно оттого, что ты все знаешь лучше всех? — Внезапная вспышка Колина удивила их обоих. — Я только хотел сказать, что… создается такое впечатление, будто ее, ну, как будто что-то подпитывает.

— Ну конечно, — сказала Мэри. — Боль.

Колин вздохнул и снова перевернулся на жи-

вот.

Мэри поджала губы и стала смотреть, как на мелководье плещутся дети.

— Опять забыла про открытки, — прошептала она.

Так они сидели еще около получаса, перекатывая под хмурыми лбами обрывки спора, который трудно было бы облечь в слова. Их одолевало чувство, что эти прошедшие несколько дней были не чем иным, как формой вредительства, скрытым заговором молчания, замаскированным бурными потоками слов. Она полезла в сумку и вынула из нее резинку, чтобы собрать волосы в хвост. Потом резко встала и пошла к воде. Когда она проходила мимо маленькой шумной компании, пара мужчин проводила ее тихим присвистом. Мэри удивленно обернулась, но мужчины тут же глуповато заулыбались и стали прятать глаза, а один из них кашлянул. Колин, который не стал менять позу, лежал и смотрел, как она стоит по колено в воде, среди детей, которые отчаянно вопят и заливаются смехом, подпрыгивая в волнах. Мэри, в свою очередь, казалось, увлеклась наблюдением за группой детей постарше, подальше в воде, которые играли в царя горы на большой, черной и плоской камере от трактора. Она захо-

дила все глубже и глубже, пока не поравнялась с ними. Дети что-то ей крикнули, вне всякого сомнения убеждая погрузиться в воду должным образом, и Мэри кивнула в их сторону. Бросив мимолетнейший из взглядов через плечо на Колина, она оттолкнулась и вошла в воду привычным, неторопливым, размеренным брассом, которым без малейших усилий проплывала в районном бассейне по десять раз туда и обратно.

Колин откинулся назад, на локтях, купаясь в роскоши теплого воздуха и относительного одиночества. Один из мужчин достал ярко-красный надувной мяч, и тут же поднялся шумный спор по вопросу о том, в какую игру с ним лучше играть, а также по другому, куда более сложному вопросу о составе команд. Одна из девушек явно уже успела войти во вкус. С комически назидательной миной она тыкала пальчиком в грудь самому крупному из мужчин. Ее подруга, высокая, худая, с несколько неловкой постановкой ног, стояла в сторонке, нервически перебирая пальцами прядку волос, с лицом, застывшим в вежливой, покорной улыбке. Она смотрела в лицо массивному орангутангоподобному парню, который, судя по всему, решил развлекать именно ее. Досказав очередную историю, он вытянул руку и по-прия-

тельски толкнул ее в плечо. Чуть погодя он резко подался вперед, ущипнул ее за ногу, отбежал на несколько шагов, обернулся и предложил ей его догнать. Девушка, как новорожденный теленок, сделала несколько неуверенных шагов вперед и смущенно замешкалась. Орангутанг снова подскочил к ней и на сей раз шлепнул ее по заду расчетливым скользящим ударом, который вызвал необычайно звонкий звук.

Все остальные, включая и невысокую девушку, тут же рассмеялись, и орангутанг, молотя о песок руками и ногами, прошелся ликующим колесом. Удерживая на лице бодрую улыбку, худая девушка посторонилась, чтобы он не задел ее на ходу. В нескольких футах от них из песка уже торчали два шеста от пляжных зонтиков, с куском веревки, натянутым между верхушками; намечалась партия в волейбол. Орангутанг, уверенный в том, что худая девушка окажется в его команде, отвел ее в сторону и принялся объяснять правила. Он подобрал мяч и, показав ей сжатую в кулак руку, тычком отправил его высоко в небо. Девушка кивнула и улыбнулась. Бить по мячу она отказывалась, но орангутанг был настойчив, и она покорилась, подбросив мяч вверх на несколько футов. Орангутанг тут же сбегал за мячом, апло-

дируя на ходу.

Колин подошел к кромке воды и нагнулся, чтобы рассмотреть выброшенный на берег клочок морской пены. В каждом крохотном пузырьке свет преломлялся, образуя на пленке четкую радугу. Пена высыхала прямо у него на глазах, каждую секунду исчезали десятки радуг, хотя ни разу пузырьки не лопнули одновременно. Когда он выпрямился, на песке не было ничего, кроме подсохшей неровным кругом каемки. Мэри между тем успела уйти уже метров на двести, и ее голова была теперь всего лишь маленькой черной точкой на фоне колоссальной серой плоскости. Чтобы лучше видеть ее, Колин прикрыл глаза рукой. Она перестала удаляться в открытое море и вроде бы даже развернулась лицом к берегу, хотя на таком расстоянии было почти невозможно различить, плывет она обратно или просто молотит руками по воде вокруг себя. Как будто в ответ на этот его вопрос, она подняла руку и принялась отчаянно размахивать ею в воздухе. Или это все-таки была не рука, а гребень волны у нее за спиной? На секунду он потерял ее голову из виду. Она пропала под водой, опять вынырнула, и снова он увидел над ней какое-то движение. Точно — рука. Колин резко набрал полную грудь

воздуха и замахал в ответ. Сам того не замечая, он сделал несколько шагов к воде. Голова вроде бы повернулась, не исчезла на этот раз, но принялась метаться из стороны в сторону. Он позвал Мэри по имени, негромко, отчаянным свистящим шепотом. Стоя уже по грудь в воде, он бросил на нее последний взгляд, один-единственный. Голова ее снова исчезла, и снова невозможно было понять, накрыло ее очередной волной или она просто нырнула.

Он поплыл к ней. Дома, в том же самом плавательном бассейне, что и она, Колин плавал отчаянным, стильным кролем, который оставлял за ним в воде глубокую борозду, но это в один конец, в лучшем случае в оба. На больших дистанциях он быстро уставал и жаловался на то, как это скучно — плавать туда-сюда. Сейчас он попытался найти разумную середину, перемежая размеренные долгие гребки шумными вздохами, как будто устало иронизировал над чередой печальных событий. Через двадцать пять метров ему пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание. Он полежал несколько секунд на спине, потом снова перевернулся. Он долго вытягивал шею, вглядываясь в нужном направлении, но Мэри там видно не было. Он снова поплыл, на

сей раз не так быстро, чередуя кроль с отрезками брасса: так он мог, во-первых, отдышаться, а во-вторых, держать лицо над волной, которая стала выше, а за каждым гребнем следовали глубокие покатые впадины, перебираться через которые было очень утомительно. Когда он остановился в следующий раз, ее голова на долю секунды мелькнула над водой. Он крикнул, но голос его был еле слышен, и, израсходовав такое большое количество воздуха, он сразу ослаб. Здесь, вдалеке от берега, прогрелся только верхний слой воды; когда он опускал ноги, чтобы сделать очередной толчок, они немели от холода. Когда он развернулся, чтобы плыть дальше, в лицо ему ударила волна, и он наглотался воды. В дыхательное горло она не попала, но ему пришлось опять перевернуться на спину, чтобы прийти в себя. О господи, говорил — или думал — он снова и снова. О господи! Он опять тронулся с места, сделал несколько гребков кролем и вынужден был остановиться; руки у него как будто разбухли и стали слишком тяжелыми, их уже не поднята. Теперь он все время плыл брассом, медленно, почти незаметно продвигаясь вперед. Когда он снова остановился, отчаянно хватая ртом воздух и вытянув над волнами шею, Мэри была от него

в десяти метрах и держалась на поверхности. Выражения ее лица он не видел. Она что-то кричала ему, но возле самых его ушей плескалась вода и мешала слышать. На эти последние несколько метров ушла вечность. Он уже не делал руками настоящих гребков, он просто взбалтывал воду, и, когда у него хватило сил еще раз поднять голову, Мэри как будто отодвинулась дальше. Потом он наконец до нее добрался. Он вытянул руку, дотронулся до ее плеча, и она под его тяжестью тут же ушла под воду.

— Мэри! — выкрикнул Колин и тут же снова хлебнул воды.

Мэри вынырнула и выбила пальцами нос. Глаза у нее были маленькие и красные.

— Смотри, какая красота! — крикнула она.

Колин задохнулся и снова навалился на ее плечо.

— Осторожно, — сказала она. — Перевернись на спину, а то ты нас обоих утопишь.

Он попытался что-то сказать, но вода хлынула ему в рот, как только он его открыл.

— Так здорово здесь после всех этих узких улиц, — сказала Мэри.

Колин лег на спину, раскинув руки и ноги, как морская звезда. И закрыл глаза.

— Ага, — в конце концов с трудом выдавил он из себя. — Просто фантастика.

Когда они вернулись, народу на пляже поубавилось, но игра в волейбол закончилась буквально только что. Высокая девушка, понурив голову, шла прочь, одна. Остальные игроки стояли и смотрели, как орангутанг метнулся за ней следом, встал перед ней и пошел спиной вперед, описывая руками умоляюще-аффектированные круги. Мэри и Колин перетащили свои пожитки в тень оставленного кем-то зонтика и поспали полчаса. Когда они проснулись, пляж стал еще пустыннее. Волейболисты ушли и унесли с собой свою сетку, и вокруг остались только выбравшиеся на пикник большие семейные группы: люди дремали и сонно переговаривались у заваленных мусором столиков. По инициативе Колина они оделись и пошли в сторону оживленного проспекта, чтобы найти место, где можно было бы чего-нибудь поесть и попить. Практически сразу, менее чем через полчаса, они отыскали вполне подходящий ресторан. Они сели на террасе под густой зеленой сенью старой корявой глицинии, беспорядочно разбросавшей ветви по реечным сводам. Столик им достался уединенный, покрытый в два слоя накрахмаленными розовыми

скатертями. Приборы тяжелые, с витиеватыми узорами и отполированные до блеска. В центре стола стояла красная гвоздика в миниатюрной бледно-голубой керамической вазе. Их обслуживали два официанта, очень милые и, что было особенно приятно, ненавязчивые, а краткость меню предполагала пристальное внимание к приготовлению каждого блюда. На поверку кухня оказалась довольно средней, но вино было прохладным, и они выпили полторы бутылки. Они скорее болтали, чем разговаривали, вежливо, не напрягаясь, как старые знакомые. Личных тем и тем, связанных с отпуском, они избегали. Вместо этого они повспоминали общих знакомых и прикинули, как они там, оговорили заранее кое-какие мелочи на обратную дорогу, поговорили о солнечных ожогах и о сопоставительных достоинствах брасса и кроля. Колин все время зевал.

И только когда они вышли наружу и в сытой полудреме побрели по теневой стороне улицы — сзади их провожали взглядами со ступеней террасы оба официанта, впереди был прямой проспект, который вел от пляжа и морского берега к лагуне и пристани, — Колин зацепился указательным пальцем за указательный палец Мэри (было слишком жарко, чтобы держаться за

руки) и напомнил про фотографию. Что, Роберт специально следил за ними с фотоаппаратом? Может, он и сейчас за ними следит? Мэри передернула плечами и оглянулась. Колин тоже посмотрел назад. Фотоаппараты были повсюду, висели, как аквариумные рыбы, на водянистом фоне из одежд и тел, но Роберта, конечно же, видно не было.

— А вдруг, — предположила Мэри, — ему просто понравилось твое лицо.

Колин пожал плечами; отняв руку, он потрогал свои плечи.

— Кажется, я все-таки обгорел, — объяснил он.

Они пошли в сторону пристани. Из баров и ресторанов валом валила публика — обратно на пляж. Чтобы хоть как-то двигаться вперед, Колину и Мэри пришлось сойти с тротуара на проезжую часть. Когда они добрались до места, у пирса стоял один-единственный пароходик, да и тот собирался отчаливать. Он был меньше тех морских трамвайчиков, которые обычно ходили через лагуну. Выкрашенные в черный цвет рубка и труба, похожая на помятую шляпу-цилиндр, придавали ему сходство со слегка взъерошенным похоронщиком. Колин уже направился было к нему, но Мэри сперва решила свериться с рас-

писанием.

— Он сначала идет вокруг острова, — сказала она, догнав его, — а только потом на нашу сторону, кружным путем, через гавань.

Как только они взошли на борт, лодочник нырнул в рулевую рубку, и тут же завелся двигатель. Матрос — обычный молодой человек с усиками — отдал швартовы и звонко поставил на место металлические воротца в перилах. Поскольку пассажиров было не много, Колин и Мэри встали в нескольких шагах друг от друга, по обе стороны от рубки, и стали глядеть вперед, вдоль носа корабля, который как раз описывал широкую дугу, постепенно минуя вписанные в далекий берег знаменитые на весь мир купола и шпили, потом большую часовую башню, пока не уперся наконец в кладбищенский остров — на таком расстоянии не более чем дымчатое пятнышко, зависшее над линией горизонта.

Как только судно легло на курс, мотор настроился на приятную ритмическую флуктуацию на двух нотах, которые отстояли друг от друга не более чем на полтона. Всю дорогу — а она заняла примерно тридцать пять минут — они не только не сказали друг другу ни слова, но даже и не глядели друг на друга. Каждый сел на ближайшую

скамью и продолжил глядеть вперед. Между ними стоял матрос — ссутулившись в полуоткрытой двери рубки и время от времени перебрасываясь репликами с рулевым. Мэри положила подбородок на согнутую в локте руку. Время от времени Колин закрывал глаза.

Когда пароходик замедлил ход на подходе к больничному пирсу, он перешел на другой борт, к Мэри, и стал смотреть на ожидающих посадки пассажиров, по большей части стариков, которые собрались маленькой плотной группкой: как можно ближе друг к другу, но так, чтобы не толкаться. Мэри тоже встала и смотрела вперед, на следующий причал, который был ясно виден в полумиле отсюда, над гладкой, как зеркало, водой. Старикам помогли взобраться на борт, и после быстрой, на пулеметной скорости, переклички между рулевым и матросом кораблик поплыл дальше, вдоль набережной, которую однажды утром, пять дней тому назад, они прошагали из конца в конец.

Колин подошел вплотную к Мэри сзади и сказал ей на ухо:

— Может, выйдем на следующей остановке и пройдемся пешком? Так будет быстрее, чем ехать вокруг всей гавани.

Мэри пожала плечами и ответила:

— Может.

Не обернувшись, чтобы посмотреть на него. Но когда пароходик подвалил к следующему пирсу и матрос уже спрыгнул на берег и принялся зачаливать канат за кнехт, она быстро обернулась и поцеловала его, едва дотронувшись губами до губ. Подняли металлические воротца, и пара пассажиров сошла на берег. Повисла секундная пауза, когда все вокруг словно застыло на пике движения, как в детской игре «штандер». Рулевой положил руку на штурвал и бросил взгляд на матроса. Тот подобрал конец чалки и приготовился отдать швартовы. Новые пассажиры расселись по местам, но обычный в таких случаях разговор еще не начался. Колин и Мэри сделали несколько шагов — с вытертого лака палубы на растрескавшиеся, почерневшие доски сходней, и сразу рулевой выкрикнул какую-то отрывистую команду матросу, который тут же кивнул и мигом размотал канат. Откуда-то из душных, скрытых от глаз глубин пароходика донесся внезапный взрыв хохота и голоса нескольких человек, говорящих одновременно. Колин и Мэри медленно и молча шли по пирсу. Когда они время от времени поглядывали налево, вид всякий раз

заслоняло то или иное сочетание деревьев, домов и стен, но рано или поздно просвет должен был появиться, и вдруг они поймали себя на том, что остановились оба — чтобы из-за угла высокой электрической подстанции, меж двух ветвей могучего платана разглядеть увитый цветами балкон, где маленькая фигурка в белом сначала просто смотрела в их сторону, а потом начала махать рукой. Сквозь мягкие всхлипы уходящего пароходика они услышали, как Кэролайн зовет их. По-прежнему стараясь не смотреть друг другу в глаза, они двинулись налево, к переулку, который должен был вывести их к знакомому дому. За руки они не держались.

Глава девятая

Одного-единственного взгляда в лестничный пролет и силуэта человеческой головы наверху было достаточно, чтобы понять: Роберт ждет их на верхней площадке. Они поднимались молча, Колин на пару ступеней раньше Мэри. Они услышали, как наверху Роберт кашлянул и что-то сказал. Кэролайн тоже их ждала. Когда они свернули на последний лестничный пролет, Колин замедлил шаг и не глядя вытянул за спиной руку, пытаясь нащупать руку Мэри, но Роберт уже спустился, чтобы встретить их, и со смиренно-гостеприимной улыбкой, столь не похожей на его обычную неистовую манеру, приобнял Колина за плечи, как будто для того, чтобы помочь ему подняться на оставшиеся ступени, и при этом откровенно повернулся спиной к Мэри. Наверху, неловко опершись о дверной косяк, в белом платье с удобными квадратными карманами, стояла Кэролайн: улыбка — прямая горизонтальная линия, исполненная тихого чувства удовлетворения. Их приветствия были искренними, но сдержанными, благопристойными; Колина под-

вели к Кэролайн, которая подставила ему щеку и в то же время на долю секунды придержала кончиками пальцев его ладонь. Все это время Роберт, одетый в темный костюм-тройку, при белой рубашке, но без галстука, продолжал обнимать его за плечи, пока не убрал руки для того, чтобы обернуться наконец к Мэри, которой он отвесил легчайший и легкомысленнейший поклон и чью руку удерживал до тех пор, пока та сама не отняла ее и не обошла вокруг Роберта, чтобы обменяться даже не поцелуем, а легким касанием щек с Кэролайн. Теперь они уже все вчетвером столпились в дверях, но в дом никто входить не спешил.

— Пароходик с пляжа шел мимо этого берега, — пояснила Мэри, — вот мы и решили к вам заглянуть.

— Мы ждали вас раньше, — сказал Роберт. Он придерживал Мэри за локоть и говорил так, как будто они с ней были вдвоем. — Колин дал моей жене одно обещание, о котором, судя по всему, забыл. Сегодня утром я оставил вам в гостинице записку.

Кэролайн тоже обращалась исключительно к Мэри:

— Видите ли, мы тоже уезжаем. И нам очень не хотелось этого делать, не повидавшись с вами.

— Почему? — внезапно спросил Колин.

Роберт и Кэролайн улыбнулись, и Мэри, для того чтобы загладить эту маленькую неловкость, вежливо поинтересовалась:

— А куда вы едете?

Кэролайн взглянула на Роберта, который сделал шаг назад и оперся рукой о стену.

— Ну, дорога дальняя. Кэролайн уже сто лет не виделась со своими родителями. Мы вам об этом еще расскажем. — Он вынул из кармана платок и вытер лоб. — Но сперва я должен закончить в баре одно маленькое дело. — Он посмотрел на Кэролайн: — Пригласи Мэри в дом и угости ее чем-нибудь. Колин пойдет со мной.

Кэролайн попятилась через порог и жестом пригласила Мэри следовать за ней.

Мэри, в свою очередь, потянулась, чтобы забрать у Колина пляжную сумку, и совсем уже собралась что-то ему сказать, но тут между ними встал Роберт.

— Заходите, — сказал он. — Мы недолго.

Колин тоже попытался было заговорить с Мэри и даже вытянул шею, чтобы из-за спины Роберта перехватить ее взгляд, но дверь уже закрывалась, и Роберт ненавязчиво подталкивал его к лестнице.

В здешних краях между мужчинами было принято идти по улице, держась за руки, — или под руку; Роберт держал Колина за руку крепко, переплетя пальцы и довольно туго сдавив, и для того, чтобы вырвать ее, нужно было сделать целенаправленное усилие, рискуя при этом обидеть Роберта и, уж во всяком случае, показаться эксцентричным. Они пошли каким-то другим, незнакомым маршрутом, по улицам, относительно свободным от туристов и сувенирных магазинчиков, через квартал, в котором, судя по всему, вообще не было женщин, поскольку везде — в попадавшихся на каждом шагу барах и уличных кафе, на стратегических углах и мостах через каналы и в паре залов с игровыми автоматами, мимо которых они проходили, — им встречались только мужчины, любого возраста, по большей части в одних рубашках, маленькими разговорчивыми группами, хотя то там, то здесь попадались и одинокие, тихо дремлющие над газетой фигуры. На периферии маячили маленькие мальчики, с важным видом скрестив на груди руки — совсем как отцы и братья.

Казалось, все здесь знают Роберта, а он как будто нарочно шел так, чтобы встретить по пути как можно больше знакомых: то переводя Колина на

другой берег канала, чтобы перекинуться парой слов с парнями возле бара, то возвращаясь на маленькую площадь, где группа пожилых мужчин стояла вокруг неработающего фонтана с чашей, переполненной смятыми сигаретными пачками. О чем они говорили, Колин не понимал, хотя время от времени ему чудилось, что звучит его собственное имя. Когда они развернулись, чтобы расстаться с одной особенно шумной компанией возле зала для игры в пинбол, кто-то сильно ущипнул его за ягодицу, и он яростно крутанулся вокруг своей оси. Но Роберт утянул его прочь, и до конца улицы их провожал громкий смех.

Если не считать нового управляющего, широкоплечего человека с татуировками на руках, который встал из-за столика, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, бар Роберта ничуть не изменился; все тот же синий свет от музыкального автомата, на сей раз не работавшего, рядок табуретов вдоль барной стойки, с черными ножками и красными пластиковыми сиденьями, неизменность и неподвижность освещенного искусственным светом зала, невосприимчивого к смене дня и ночи на улице. Было около четырех часов, и в заведении обреталось не боле пяти-шести завсегдатаев, все как один стояли у

стойки. Что изменилось или, может быть, просто бросилось на этот раз в глаза, так это изрядное количество больших черных мух, которые молча, как хищные рыбы, барражировали между столиками. Колин пожал руку управляющему, попросил стакан минералки и сел за тот же столик, за которым сидел в прошлый раз.

Роберт извинился и пошел вместе с управляющим за стойку, чтобы просмотреть какие-то разложенные на прилавке бумаги. Судя по всему, они подписывали договор. Официант поставил перед Колином заиндевевшую бутылку минеральной воды, стакан и подал пакетик фисташек на блюдечке. Заметив, что Роберт оторвался от своих бумаг и посмотрел в его сторону, Колин приветственно поднял стакан, однако Роберт, несмотря на то что по-прежнему смотрел в его сторону, даже бровью не повел, а потом, кивнув какой-то собственной мысли, снова уставился в бумаги. Один за другим немногочисленные посетители у стойки тоже стал и оборачиваться, чтобы посмотреть на Колина, и сразу же возвращались к своим разговорам и напиткам. Колин глотнул воды, с трудом открыл пакетик, съел орешки, сунул руки в карманы и качнулся на стуле назад, поставив его на две задние ножки.

Когда очередной завсегдатай посмотрел через плечо на Колина, а потом обернулся к своему визави, который, в свою очередь, тоже подвинулся так, чтобы перехватить его взгляд, Колин встал и с решительным видом направился к музыкальному автомату.

Он постоял, скрестив на груди руки, разглядывая список с незнакомыми именами и непонятными названиями, как будто всерьез задумался над тем, какую выбрать песню. Посетители у стойки теперь уже смотрели на него все до единого с нескрываемым любопытством. Он бросил в автомат монетку. Конфигурация светящихся символов решительным образом поменялась, и на экране начал пульсировать красный прямоугольник, побуждая его сделать выбор. За спиной у него, возле стойки, кто-то громко произнес короткую фразу, которая вполне могла быть названием песни. Колин пристальнее вгляделся в напечатанный на машинке список, проскочил и тут же вернулся к единственному более или менее внятному названию пластинки — «Ха-ха-ха» — и, пока он набирал цифры, а громоздкий аппарат вибрировал под его пальцами, уже знал, что это та самая мужественно-сентиментальная песня, которую они слышали здесь в прошлый

раз. Когда Колин шел обратно к столику, управляющий поднял голову и улыбнулся. Посетители потребовали сделать погромче, и, когда в зале раздался первый оглушительный аккорд, человек, который тут же принялся выстукивать по стойке четкий, едва ли не маршевый ритм, заказал всем выпить.

Роберт подошел, сел рядом с Колином и, пока не кончилась пластинка, продолжал просматривать документы. Когда автомат щелкнул, он широко улыбнулся и указал на пустую бутылку из-под минеральной волы. Колин покачал головой. Роберт предложил ему сигарету, нахмурился, когда Колин довольно-таки резко от нее отказался, прикурил сам и сказал:

— Вы понимали то, что я говорил людям на улице, пока мы сюда шли?

Колин покачал головой.

— Ни единого слова?

— Нет.

Роберт снова улыбнулся: этакая простодушная радость.

— Каждому, с кем мы останавливались поговорить, я объяснял, что вы мой любовник, что Кэролайн очень к вам ревнует и что мы идем сюда, чтобы выпить и забыть о ней.

Колин заправлял футболку в джинсы. Он пригладил рукой волосы, поднял глаза и спросил:

— Зачем?

Роберт расхохотался и весьма близко к оригиналу воспроизвел нарочитое замешательство Колина:

— Зачем? Зачем? — Потом наклонился вперед и дотронулся до руки Колина: — Мы знали, что вы вернетесь. Мы ждали, готовились. Нам казалось, что вы придете раньше.

— Готовились? — переспросил Колин, отдергивая руку.

Роберт сложил бумаги, сунул их в карман и посмотрел на него с ласковым собственническим выражением на лице.

Колин открыл рот, поколебался немного, а потом быстро спросил:

— Зачем вы меня фотографировали?

Роберт снова расплылся в улыбке. Он откинулся назад, излучая довольство собой.

— А мне казалось, я не дал ей времени как следует рассмотреть этот снимок. Мэри все схватывает на лету.

— И все-таки зачем вы это сделали? — настаивал Колин, но тут к музыкальному автомату подошел только что появившийся в баре посети-

тель, и «Ха-ха-ха» завелась еще громче прежнего.

Роберт встал, чтобы поздороваться с компанией проходивших мимо столика приятелей.

По дороге домой, на сей раз по менее людной, идущей под горку улице, которая в какой-то момент вывела к морю и дальше пошла вдоль берега, Колин снова попытался добиться от Роберта сколько-нибудь внятного ответа насчет фотографии и смысла, который он вкладывал в слово «готовились», но тот был жизнерадостно уклончив и вместо ответа указывал на цирюльню, которой пользовались его дед и отец, а теперь пользуется он сам, или принимался горячо и многословно, почти на грани фарса, объяснять, как городские стоки влияют на заработки рыбаков и вынуждают их переквалифицироваться в официанты. В конце концов Колину это надоело и он остановился как вкопанный, но Роберт — правда, немного сбавив свой привычно энергичный шаг и удивленно обернувшись — пошел дальше, так, словно подчинение чужой воле для него в данном случае было бы равнозначно потере лица.

Колин стоял возле того самого места, где недавно они с Мэри сидели на ящиках и смотрели на восходящее солнце. Сейчас, ближе к вечеру, хотя солнце еще и стояло достаточно высоко, яркие

пурпурные тона на восточном крае неба выцветали и, постепенно выцветая от блекло-голубого к тону разбавленного молока, уже затеяли вдоль четко вычерченной линии горизонта тонкую игру с бледно-серой поверхностью моря. Солнце светило ему в спину, в мельчайших деталях высветив островное кладбище с низкой каменной оградой и яркими, тесно сгрудившимися надгробиями. Небесная синь еще не сделалась сумеречно-уютной. Колин бросил взгляд через левое плечо, вдоль набережной. Роберт был метрах в пятидесяти и не спеша шел в его сторону. Колин обернулся и посмотрел назад. Между облупленными домами уходила вверх узкая торговая улочка, скорее похожая на переулок. Она вилась под вывесками магазинов, под бельем, развешанным, как праздничные флаги, на крохотных, с коваными чугунными перилами балконцах, и заманчиво растворялась в тени. По ней хотелось идти и идти, но только одному, без спутника, который тут же примется что-то тебе объяснять, которому ты постоянно чем-то обязан. Ступить на нее, как будто ничто тебя не держит, освободиться от тягостной игры в оттенки психологических состояний, дать себе волю быть открытым и внимательным к свежим впечатлениям, к миру, чей

фантастический, непрерывно омывающий душу поток так легко и привычно игнорируется нами, от которого мы отмахиваемся, блюдя верность не слишком внятным идеалам личной ответственности, пользы, гражданского долга, — ступить туда прямо сейчас, просто взять и уйти, раствориться в полумраке, было бы так легко.

Роберт тихонько кашлянул. Он стоял слева от Колина, в паре шагов.

Колин опять повернулся к морю и сказал легко и непринужденно:

— Если тебя начинает тянуть домой, значит, отпуск удался.

Роберт молчал с минуту, не меньше, а когда заговорил, в его голосе прозвучала укоризненная нотка.

— Нам пора, — сказал он.

Галерея — когда Мэри переступила порог и Кэролайн плотно закрыла у нее за спиной дверь — как будто стала в два раза больше. Почти вся мебель исчезла, а вместе с ней все картины, ковры, гардины и люстры. Там, где раньше стоял большой полированный стол, теперь был простой фанерный щит, на трех ящиках, с остатками обеда. Вокруг этого импровизированного стола были расставлены четыре стула. Пол казался бескрай-

ней мраморной равниной, и шлепающий звук от сандалий Мэри тут же был подхвачен громким эхом, стоило ей сделать несколько шагов. Единственный значимый предмет, оставшийся в неприкосновенности, был сервант Роберта, этакий алтарь его маленького личного культа. За спиной у Мэри, в дверном проеме, стояли два чемодана. На балконе было по-прежнему полным-полно зелени, но мебель исчезла и оттуда.

Кэролайн, которая все еще стояла в дверях, разгладила ладонями платье.

— Обычно я одеваюсь не как больничная сиделка, — сказала она, — но тут у нас столько хлопот, и в белом от меня как-то больше толку.

Мэри улыбнулась:

— А меня в какой ни наряди, толку все равно не будет.

Она, пожалуй, не узнала бы Кэролайн, если бы они встретились в каком-то другом месте. Волосы, так туго стянутые раньше на затылке, сейчас были в некотором беспорядке; выбившиеся прядки немного смягчили очертания лица, которое за несколько прошедших дней утратило былую невзрачность. Губы, прежде такие тонкие и бескровные, теперь сделались полными и едва ли не чувственными. Длинная прямая линия носа,

которая ранее казалась не более чем минимально приемлемым решением дизайнерской проблемы, приобрела аристократическую утонченность. Лихорадочный, безумный блеск в глазах погас, и они казались более живыми и приятными. И только кожа осталась прежней, бесцветной, даже не бледной, а просто блекло-серой.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала Мэри.

Кэролайн подошла поближе, все той же ломаной, неуклюжей походкой, и взяла Мэри за руки.

— Я рада, что вы пришли. — Она была само радушие и на словах «рада» и «пришли» стискивала руки что было сил. — Мы были уверены, что Колин свое слово сдержит.

Она попыталась отнять руки, но Мэри ее не отпустила.

— Не то чтобы мы специально планировали идти к вам в гости, но это и не чистая случайность. Я хотела с вами поговорить.

Кэролайн удерживала на лице улыбку, но ее ладони отяжелели в руках у Мэри, которая по-прежнему никак не желала ее отпускать. Пока Мэри говорила, она кивала, глядя в пол.

— Я много думала о вас. И хочу кое о чем вас спросить.

— Ну ладно, — немного помедлив, сказала

Кэролайн, — пойдемте на кухню. Я заварю травяной чай.

Она высвободила руки, на сей раз вполне решительно, и, вновь войдя в роль внимательной и собранной хозяйки дома, одарила Мэри улыбкой, после чего резко развернулась и, прихрамывая, пошла прочь.

Кухня располагалась в том же конце галереи, что и прихожая. Она была маленькая, но безукоризненно чистая, со множеством буфетов, и полочек, и поверхностей, покрытых белым пластиком.

Лампы дневного света и никаких следов пищи. Кэролайн извлекла из ящика под раковиной свинченный из стальных трубок табурет и придвинула его к Мэри. Возле плиты стоял ломберный столик, а сама плита была похожа на те, что используют в автофургонах: двухконфорочная, без духовки, с длинным резиновым шлангом, который тянулся к стоящему на полу газовому баллону. Кэролайн поставила на огонь чайник и, довольно резко отказавшись от помощи, с видимым трудом потянулась к буфету, за заварочным чайничком. На несколько секунд она застыла на месте, положив одну руку на холодильник, а другую уперев в бедро, так, словно ждала, когда

пройдет приступ боли. Прямо у нее за спиной была еще одна дверь, слегка приоткрытая, и сквозь щель Мэри увидела угол кровати.

Когда Кэролайн пришла в себя и принялась ложечкой насыпать в заварочный чайник какие-то мелкие сушеные цветы, Мэри как бы между делом спросила:

— А что у вас со спиной?

И снова в ответ — пустая улыбка, просто разошлись губы и челюсть немного подалась вперед, улыбка, какой, как правило, одаривают зеркала, тем более нелепая в этом тесном и ярко освещенном пространстве.

— Теперь это уже давняя история, — ответила Кэролайн и занялась чашками и блюдцами.

Она стала рассказывать Мэри о своих ближайших планах; они с Робертом полетят в Канаду и месяца три погостят там у ее родителей. А когда вернутся, купят новый дом, вероятнее всего, квартиру на первом этаже, где не нужно будет подниматься по лестнице. Она налила чай в две чашки и принялась нарезать лимон.

Мэри согласилась, что поездка должна получиться увлекательной, а мысль насчет квартиры вполне здравая.

— Но все-таки что у вас болит? — вернулась

она к теме. — Спина или бедро? Вы врачам показывались?

Кэролайн повернулась к Мэри спиной, чтобы бросить в чашки ломтики лимона. Зазвенела ложечка, и Мэри тут же вскинулась:

— Мне без сахара.

Кэролайн повернулась и протянула ей чашку.

— Я просто погоняла по чашке лимон, — сказала она, — чтобы он пустил сок.

С чашками в руках они вернулись в галерею.

— Я расскажу вам, что у меня со спиной. — Кэролайн двинулась по направлению к балконной двери, — когда вы оцените вкус чая и скажете, понравился он вам или нет. Апельсиновый цвет.

Мэри поставила чашку на балконные перила и принесла изнутри два стула. Они сели так же, как в прошлый раз, хотя и не с такими удобствами, и столика между ними не было — лицом к морю и к лежащему неподалеку островку. Эти стулья были повыше, и теперь Мэри открылась та часть набережной, откуда они с Колином увидели на балконе Кэролайн, — сейчас она как раз подняла чашку, так, словно собиралась сказать тост. Мэри сделала глоток; вкус был настолько терпкий, что губы у нее поджались сами собой, и она сказала, что чай бодрит. Они сидели и молча

потягивали чай, Мэри выжидающе смотрела на Кэролайн, а та время от времени отрывала взгляд от собственных коленей, чтобы встретиться с ней глазами и нервически улыбнуться. Когда обе чашки опустели, Кэролайн, с места в карьер, начала рассказывать:

— Роберт сказал мне, что вы уже наслышаны о его детстве. Он, конечно, сильно преувеличивает, он лепит из своего прошлого истории, какие принято рассказывать у барной стойки, но, как бы то ни было, жилось ему несладко. А мое детство было счастливым и скучным. Я была единственным ребенком, и мой отец, человек очень добрый, души во мне не чаял, а я делала все, что он скажет. Мы были очень близки с мамой, мы были с ней почти как сестры, и обе изо всех сил заботились о папе — у мамы это называлось «подставить плечо господину послу». Когда я вышла замуж за Роберта, мне было двадцать лет и я ничего не знала о сексе. Насколько я помню, до той поры у меня даже и ощущений-то сексуального характера никаких не было. Роберт в этом деле был не новичок, так что после не слишком удачного начала дело, в общем-то, довольно быстро пошло на лад. И все было хорошо. Я пыталась забеременеть. Роберту отчаянно хотелось стать

отцом, хотелось, чтобы у него были сыновья, но ничего не получалось. Врачи достаточно долго считали, что во всем виновата я, но в конце концов выяснилось, что дело в Роберте, что-то у него не так со спермой. Он очень по этому поводу переживает. Врачи сказали, что все равно нужно пробовать. Но потом начали происходить довольно странные вещи. Вы первый человек, которому я об этом рассказываю. Сейчас я уже не помню точно, с чего все началось в самый первый раз, о чем мы думали и так далее. Наверное, мы об этом говорили, а может быть, и нет. Я не помню. Когда мы занимались сексом, Роберт начал делать мне больно. Не слишком, но вполне достаточно для того, чтобы я кричала в голос. Кажется, я пыталась его от этого отучить. Как-то ночью он окончательно вывел меня из себя, но мы не остановились, и, должна признаться, мне это начало даже нравиться — хотя и не сразу. Вам, наверное, трудно будет это понять. Дело не в боли, а в самом факте боли, в чувстве беспомощности перед ее лицом и в том, что она низводит тебя до полной ничтожности. Это боль во вполне определенном контексте, когда тебя наказывают и, следовательно, ты виновна. То, что происходило, нравилось нам обоим. Я стыдилась себя, и,

прежде чем я успела это осознать, мой стыд тоже сделался источником наслаждения. Возникало такое чувство, будто я открываю в себе что-то такое, что было частью меня от самого рождения. Мне хотелось все больше и больше. Я без этого уже не могла. Роберт стал делать мне больно уже всерьез. Он принес кнут. Когда мы занимались сексом, он бил меня кулаками. Я очень боялась его, но страх и наслаждение были неразделимы. Вместо того чтобы нашептывать мне на ухо любовный вздор, он шептал совсем другое — слова ненависти, и, хотя меня буквально выворачивало наизнанку от унижения, это так возбуждало, что я почти теряла сознание. В том, что Роберт меня ненавидит, я нисколько не сомневалась. Это не было актерством. Он занимался со мной сексом потому, что я была ему омерзительна: как раз это и делало его неотразимым. Мне нравилось, когда меня наказывают.

Какое-то время все продолжалось в том же духе. Тело мое было покрыто синяками, порезами, рубцами. Три ребра треснули. Роберт вышиб мне зуб. Я сломала палец. Я не решалась показаться на глаза родителям, и, как только дед Роберта умер, мы перебрались сюда. Для друзей Роберта я была всего лишь очередная баба, которую бьет муж, —

собственно, никем другим я и не была. Никто не придавал этому значения. В тех местах, где Роберт выпивал, ему это даже придавало определенный статус. Когда я надолго оставалась одна, когда мне случалось встречаться с обычными людьми, которые были заняты самыми обыденными вещами, полное безумие того, что мы творим, плюс моя собственная безропотность ужасали меня. Из раза в раз я пыталась убедить себя в том, что мне нужно уехать. Но как только мы оказывались вдвоем, то, что казалось безумием, опять становилось неизбежным и даже логичным. Ни он, ни я не в силах были этому противиться. Довольно часто я сама выступала в роли инициатора, хотя долго уговаривать его мне не приходилось. Роберт только и ждал возможности сделать из меня отбивную. Мы дошли до той точки, к которой стремились все это время. Однажды ночью Роберт признался, что по-настоящему мечтает об одной-единственной вещи. Ему хотелось убить меня, пока мы занимаемся сексом.

Он говорил совершенно серьезно. Помнится, на следующий день мы отправились в ресторан и попытались свести все к шутке. Но идея витала в воздухе. И поскольку сама возможность этого убийства отныне постоянно витала в воздухе,

мы занимались любовью отчаянно, как никогда в жизни.

Однажды Роберт пил весь вечер напролет и пришел домой, когда я уже засыпала. Он лег в постель и взял меня сзади. Он шептал, что сейчас убьет меня, но он и раньше много раз такое говорил. Но потом он захватил мою шею локтем и начал давить мне на поясницу. И при этом тянул голову назад, на себя. Я потеряла сознание от боли, и последняя моя мысль была: вот сейчас все и кончится. Обратной дороги нет. И конечно же, я хотела, чтобы он меня уничтожил.

Он сломал мне позвоночник, и я несколько месяцев пролежала в больнице. Теперь я никогда не смогу ходить правильно, отчасти из-за некомпетентности тамошнего хирурга, хотя другие специалисты в один голос говорят, что врач прекрасно справился со своей работой. Рука руку моет. Я не могу наклоняться, у меня боли в ногах и в тазобедренном суставе. Мне очень трудно спускаться по лестнице, а подняться я вообще не в состоянии. Забавно, что единственная поза, в которой мне удобно, — лежа на спине. К тому времени, как я выписалась из больницы, Роберт купил бар на деньги, оставшиеся от деда, и дела сразу пошли в гору. На этой неделе он продал бар

управляющему. Когда я выписалась, мы договорились, что с этой поры будем вести себя разумно. То, что случилось, потрясло нас. Роберт всю свою энергию вкладывал в бар, я по нескольку часов в день проводила дома с психотерапевтом. Но, само собой, забыть о том, через что мы прошли, было никак не возможно — и отказаться от продолжения тоже. Мы остались прежними людьми, и эта идея, в смысле — идея смерти, не могла исчезнуть просто потому, что мы так решили. Мы больше не говорили об этом, говорить об этом было нельзя, но она давала о себе знать иными способами. Когда психотерапевт сказал, что я уже достаточно окрепла, я вышла в город, одна, просто чтобы побродить по улицам и почувствовать себя обычным человеком. Вернувшись, я обнаружила, что не могу подняться по лестнице. Как только я переносила весь вес на одну ногу и пыталась оттолкнуться, меня словно электрошоком пронизывал приступ невыносимой боли. Я осталась во дворе дожидаться Роберта. Он пришел и сказал, что я сама виновата, что ушла, не спросив у него разрешения. Он вел себя как маленький мальчик. Он таки не помог мне подняться по лестнице и не позволил никому из соседей даже близко ко мне подойти. Вы не поверите, но мне

пришлось остаться во дворе на всю ночь. Я села на пороге и попыталась уснуть, и всю ночь мне казалось, что я слышу, как люди храпят в своих спальнях. Утром Роберт отнес меня вверх на руках, и в первый раз после того, как я выписалась из больницы, мы занялись сексом.

Я сделалась заключенной — в буквальном смысле слова. Я в любое время могла уйти из дома, но вот попасть обратно было куда труднее, и в конце концов я сдалась. Роберт платил соседке, чтобы она покупала для нас все необходимое, и за четыре года я фактически и шагу не сделала за порог. Я стала кем-то вроде сторожа при фамильных ценностях, при маленьком музее Роберта. Он помешан на отце и деде. А еще я разбила здесь вот этот садик. Я часто бываю одна. И это вовсе не так уж и скверно. — Кэролайн оборвала сама себя на полуслове и внимательно посмотрела на Мэри. — Вы поняли все, что я вам сказала?

Мэри кивнула, и выражение лица у Кэролайн стало мягче.

— Вот и хорошо. Очень важно, чтобы вы точно поняли все, что я вам сейчас сказала.

Она перебирала пальцами большие глянцевитые листья какого-то цветка, растущего в подвесном ящичке на балконных перилах. Обо-

рвав мертвый лист, она бросила его вниз, во двор.

— Ну а теперь… — начала она, но фразу так и не закончила.

Солнце закатилось за крышу, у них за спиной. Мэри зябко поежилась и подавила зевок.

— Я вас не утомила, — сказала Кэролайн. Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Мэри сказала, что не устала ничуть, и принялась объяснять, что из-за долгого заплыва, сна на самом солнцепеке и плотного ресторанного обеда ее клонит в сон. А потом, поскольку Кэролайн смотрела на нее все так же внимательно и выжидающе, добавила:

— И что теперь? Поездка домой поможет вам стать более независимой?

Кэролайн покачала головой:

— Мы вам об этом расскажем, когда вернутся Роберт и Колин.

Она принялась расспрашивать Мэри о Колине, причем часть вопросов она уже задавала раньше. Нравится ли он детям Мэри? А к ним он проявляет какой-то особый интерес? Знаком ли Колин с ее бывшим мужем? Мэри отвечала кратко и вежливо, и Кэролайн кивала, как будто ставила в списке галочку.

Когда ни с того ни с сего она вдруг задала вопрос о том, приходилось ли им с Колином делать «странные вещи», Мэри добродушно улыбнулась в ответ:

— Извините. Мы люди обычные. Вам придется это принять на веру.

Кэролайн замолчала, уставившись в пол. Мэри наклонилась вперед и дотронулась до ее руки.

— Я не хотела вас обидеть. Мы с вами не настолько близко знакомы. Вы хотел и мне что-то рассказать, вы рассказали, и это было правильно. Я же не пыталась ничего из вас вытянуть.

Рука Мэри несколько секунд лежала на руке Кэролайн: едва заметное пожатие.

Кэролайн закрыла глаза. Потом схватила Мэри за руку и встала, быстро, как только могла.

— Я хочу кое-что показать вам, — сказала она.

Мэри тоже поднялась со стула, отчасти для того, чтобы помочь Кэролайн подняться.

— Это не Колин там стоит? — спросила она, указав на одинокую фигурку на пирсе, едва заметную сквозь верхние ветви дерева.

Кэролайн взглянула в ту же сторону и пожала плечами:

— Я без очков ничего не вижу на таком расстоянии.

По-прежнему держа Мэри за руку, она уже поворачивалась к двери.

Они прошли сквозь кухню в полутемную спальню — окна закрыты ставнями. Судя по рассказу Кэролайн, эти стены многое повидали, но в комнате было довольно пусто, ничего необычного. Так же как и в гостевой спальне на противоположном конце галереи, филенчатая дверь вела в выложенную кафелем ванную. Кровать была большая, ни изголовья, ни подушек, и покрыта бледно-зеленым, гладким на ощупь покрывалом.

Мэри присела на краешек кровати.

— Ноги у меня болят, — сказала она, обращаясь скорее к себе самой, нежели к Кэролайн, которая как раз открывала ставни.

Комнату заполнил мягкий вечерний свет, и Мэри вдруг заметила, что на ближней к окну стене, на стене у нее за спиной, во всю длину кровати висел широкий, обитый сукном щит, сплошь покрытый множеством фотографий, прикрепленных одна поверх другой, как в коллаже, по большей части черно-белых плюс несколько цветных, сделанных «Поляроидом», — и на каждой был Колин.

Мэри подвинулась на кровати, чтобы лучше видеть, а Кэролайн подошла и тоже села рядом.

— Он такой красивый, — тихо сказала она. — Роберт увидел вас обоих совершенно случайно, в тот день, когда вы приехали.

Она указала на фотографию Колина с чемоданом под ногами и с картой города в руках. Он говорил через плечо с кем-то, кто остался за кадром, может быть, с Мэри.

— Мы оба решили, что он очень красивый. — Кэролайн обняла Мэри за плечи. — Роберт в тот день сделал много снимков, но первым я увидела именно этот. Я никогда его не забуду. Только что оторвал взгляд от карты. А потом, чем больше снимков он приносил домой. — Кэролайн обвела рукой весь щит, — тем ближе мы с ним становились, совсем как раньше. Это я придумала повесить их здесь, чтобы мы могли видеть их все сразу. Бывало, мы лежали здесь до самого утра и строили планы. Вы не поверите, сколько всего нам пришлось придумать.

Пока Кэролайн говорила, Мэри терла и терла ноги, то массировала их, то чесала — изучая мозаику прошедшей недели. Были снимки, где контекст был ясен с первого взгляда. На нескольких Колин стоял на балконе — гораздо более отчетливых, чем тот, зернистый. Были фотографии Колина, входящего в гостиницу, еще на

одной он сидел в кафе на понтоне, был Колин в толпе, под ногами голуби, за спиной — башня с часами. На одной он голый лежал на кровати. Другие кадры понять было труднее. На одном, сделанном ночью, при очень плохом освещении, Колин и Мэри шли через пустую площадь. На переднем плане — собака. На некоторых снимках Колин был совершенно один, на других при увеличении кадра от Мэри осталась только ладонь, или рука по локоть, или бессмысленный кусок лица. Все в совокупности эти фото запечатлели каждое знакомое ей выражение его лица, озадаченно нахмуренные брови, напрягшиеся губы — сейчас он что-то скажет, — глаза, выражение которых так легко сделать мягче, сказав пару ласковых слов, и каждая карточка фиксировала, судя по всему с наслаждением, новый ракурс этого хрупкого лица — брови, сходящиеся у переносицы, глубоко посаженные глаза, жесткая линия чуть приоткрытого рта.

— Зачем? — спросила наконец Мэри.

Язык был тяжелый и неповоротливый и камнем лежал на пути у сказанного слова.

— Зачем? — повторила она чуть более решительно, но слово, поскольку она внезапно поняла ответ на свой вопрос, превратилось в еле слыш-

ный шепот.

Кэролайн обняла Мэри покрепче и заговорила снова:

— Потом Роберт привел вас домой. Как будто сам Бог решил помочь нам. Я пришла в вашу спальню. Этого я от вас никогда не скрывала. И тогда я поняла, что фантазия становится реальностью. Вы когда-нибудь испытывали это чувство? Это все равно что сделать шаг сквозь зеркало.

Глаза у Мэри закрылись. Голос Кэролайн стал далеким и гулким. Она усилием воли открыла глаза и попыталась встать, но Кэролайн крепко держала ее за плечи. Глаза снова закрылись, и она вылепила ртом имя Колина. Язык был слишком тяжелым, чтобы справиться со звуком «л», понадобилось бы несколько человек, чтобы сдвинуть его с места, людей с именами без буквы «л». Слова Кэролайн были повсюду вокруг, тяжелые, бессмысленные, беспорядочно падающие со всех сторон предметы, от которых у Мэри занемели ноги. Потом Кэролайн стала бить ее ладонью по лицу, и она проснулась — как будто в другую историческую эпоху.

— Вы заснули, — говорила Кэролайн. — Вы заснули. Вы заснули. Роберт и Колин вернулись. Они нас ждут. Пора идти.

Она рывком поставила Мэри на ноги, положила ее безвольную руку себе на плечи и вывела из комнаты.

Глава десятая

Все три окна были распахнуты настежь, и галерея была залита закатным светом. Роберт стоял спиной к окну, держал в руке бутылку шампанского и терпеливо снимал с горлышка маленький проволочный намордник. Под ногами у него валялась смятая золотая фольга, а рядом стоял Колин, с двумя бокалами наготове, еще не успевший привыкнуть к гулкой, как в пещере, пустоте пространства. Когда женщины вышли из кухни, мужчины, оба, обернулись и кивнули. Мэри удалось восстановить равновесие, и теперь она шла короткими неуверенными шажками, опираясь одной рукой о плечо Кэролайн.

Болезненная хромота, сомнамбулическое шарканье — они медленно шли к импровизированному столу; Колин сделал пару шагов навстречу и спросил:

— Мэри, что с тобой такое?

Тут же хлопнула пробка, и Роберт резко потребовал бокалы.

Колин вернулся и подставил их под горлышко, встревоженно глядя через плечо. Кэролайн усади-

ла Мэри на один из двух оставшихся деревянных стульев, устроив ее так, чтобы она оказалась лицом к мужчинам.

Мэри разлепила губы и остановила взгляд на Колине. Он шел к ней с полным бокалом в руке, как в замедленной съемке. Яркий свет за его спиной позолотил торчащие в стороны прядки волос, и его лицо, которое было ей знакомо даже больше, чем собственное, выглядело озабоченным. Роберт поставил бутылку на сервант и пошел вслед за Колином. Кэролайн, как дежурная медсестра, стояла на страже рядом со стулом Мэри.

— Мэри, — спросил Колин, — что случилось?

Они столпились вокруг. Кэролайн прижала руку ко лбу Мэри.

— Видимо, небольшой солнечный удар, — тихо сказала она. — Беспокоиться не о чем. Она сказала, что вы долго плавали, а потом уснули на солнце.

Губы у Мэри зашевелились. Колин взял ее за руку.

— Температуры у нее нет, — сказал он.

Роберт зашел за спинку стула и обнял Кэролайн за плечи. Колин сжал Мэри руку и начал вглядываться в ее лицо. Ее глаза, с расширенными от желания или от невозможности что-то сказать

зрачками, глядели на него в упор; внезапно в уголке глаза набухла слеза и скатилась по щеке. Колин смахнул ее указательным пальцем.

— Ты заболела? — прошептал он. — Это солнечный удар?

Она на секунду закрыла глаза, а потом ее голова чуть качнулась из стороны в сторону. Еле слышный звук, едва отличимый от выдоха, сорвался с ее губ. Колин наклонился ближе к ее губам.

— Говори, — настойчиво просил он, — попробуй сказать.

Она резко хватанула ртом воздух и на несколько секунд задержала дыхание, а потом откуда-то из самой глотки вышло сдавленное, жесткое «к».

— Ты пытаешься произнести мое имя?

Мэри открыла рот шире, теперь она дышала часто, как будто ей не хватало воздуха. Она отчаянно ухватила Колина за руку. И снова резкий вдох, задержка дыхания и опять невнятное жесткое «к». Она повторила звук, смягчила его — «кь»… «кхь»… Колин еще плотнее прижал ухо к ее губам. Невероятным усилием она смогла выдавить из себя «х… х…», а потом прошептала: «…ходи».

— Холодно, — сказал Роберт. — Ей холодно.

Кэролайн резко толкнула Колина в плечо:

— Нечего толпиться вокруг нее. Ей от этого не легче.

Роберт подхватил свой белый пиджак, накинул его Мэри на плечи и заботливо расправил. Она по-прежнему крепко держала Колина за руку, ее лицо подалось вперед, к нему, а глаза отчаянно шарили по его лицу в поисках понимания.

— Она хочет уйти, — звенящим голосом сказал Колин. — Ей нужен врач.

Он высвободил руку из отчаянно сжатой ладони Мэри и похлопал ее по запястью. Она смотрела, как он с неприкаянным видом бродит по галерее.

— Где у вас телефон? Наверняка у вас есть телефон.

В голосе у него явственно звучала паническая нотка. Роберт и Кэролайн рука об руку шли за ним следом, загораживая от нее Колина. Она еще раз попыталась издать звук, но горло было бессмысленно мягким, язык неподъемным грузом лежал поперек рта.

— Мы уезжаем. — Кэролайн явно пыталась успокоить его. — Телефон уже отключили.

Колин кружным путем подошел к среднему окну и теперь стоял спиной к серванту Роберта.

— Тогда идите и найдите врача. Ей очень пло-

хо.

— Незачем так кричать, — тихо сказал Роберт.

Они с Кэролайн по-прежнему надвигались на Колина. Мэри видела, как они держатся за руки, как туго переплелись пальцы и как эти пальцы вдруг принимаются ласкать друг друга, быстрыми пульсирующими движениями.

— С Мэри все будет в порядке, — сказала Кэролайн. — Я кое-что подмешала ей в чай, но это не страшно, с ней все будет в порядке.

— Чай? — тусклым эхом переспросил Колин.

Пятясь от них, он задел стол и опрокинул бутылку шампанского.

— Какое расточительство, — сказал Роберт.

Колин мигом обернулся и поставил бутылку на место. Роберт и Кэролайн расцепились, обходя лужу на полу, и Роберт вытянул руку по направлению к Колину так, словно пытался взять его указательным и большим пальцами за подбородок. Колин отдернул голову и сделал еще один шаг назад. Прямо у него за спиной было большое открытое окно. Мэри видела, как розовеет западный край неба, как едва заметные перистые облака собираются в длинные тонкие пальцы, которые указывают на то место, куда должно сесть солнце.

Теперь они наступали на Колина порознь, с обеих сторон. Он смотрел прямо на Мэри, но у нее хватило сил только на то, чтобы разлепить еще раз губы, и все.

Кэролайн положила руку Колину на грудь, поглаживала ее и говорила:

— Мэри все понимает. Я все ей объяснила. И я уверена, что в глубине души вы тоже все поняли.

Она принялась вытягивать из-за пояса его джинсов заправленный край майки. Роберт оперся вытянутой рукой о стену на уровне головы Колина, перекрыв ему путь к отступлению. Кэролайн ласкала его живот, легонько пощипывая кожу пальцами. И хотя Мэри смотрела против света и три фигуры у окна выглядели скорее силуэтами на фоне вечернего неба, она с невероятной ясностью видела порочную отточенность каждого движения, каждого нюанса этой альковной фантазии. Непривычная четкость видения иссушила в ней способность говорить и двигаться. Свободная рука Роберта уже отправилась исследовать лицо Колина, раздвигая пальцами губы, отслеживая линии носа и челюсти. С минуту он стоял спокойно и не сопротивлялся, парализованный чувством полного непонимания. И только

выражение лица быстро менялось: сначала удивление и страх, затем — озадаченность, попытка что-то вспомнить. Он по-прежнему смотрел ей прямо в глаза.

Снизу доносился обычный уличный гам: голоса, болтовня домохозяек на кухне, звуки из телевизора, — скорее подчеркивая, чем разбавляя царившую здесь тишину. Тело Колина напряглось. Мэри видела, как дрогнули его ноги, как застыли мышцы пресса. Кэролайн что-то угрожающе прошипела, и ее рука легла ему прямо под сердце. В тот же самый момент Колин прыгнул вперед, вытянув руки перед собой, как ныряльщик; удар одной руки пришелся в лицо Кэролайн, отбросив ее с дороги, другая попала Роберту в плечо и тоже заставила его сделать шаг назад. Колин рванулся к Мэри, протягивая к ней руки, как будто собирался подхватить ее со стула и улететь вместе с ней восвояси. Роберт пришел в себя как раз вовремя, чтобы ухватить Колина за щиколотку и свалить его на пол, в нескольких футах от стула, на котором сидела Мэри. Колин тут же попытался встать, но Роберт схватил его одной рукой за руку, а другой за ногу и не то понес, не то поволок по полу обратно, туда, где стояла, закрыв лицо руками, Кэролайн. Там он

поставил Колина на ноги, с силой впечатал его в стену и прижал, ухватив его своей огромной ручищей за горло.

Теперь, если смотреть с той точки, где сидела Мэри, все трое вернулись на прежние позиции, примерно так они уже стояли раньше. Песочный шорох тяжелого дыхания постепенно стих, и снова стали слышны звуки улицы — оттеняя тишину комнаты.

Наконец Роберт сказал вполголоса:

— Не нужно было этого делать, ведь правда же? — и сжал Колину горло еще сильнее. — Правда?

Колин кивнул, и Роберт убрал руку.

— Смотри, — сказала Кэролайн, — ты разбил мне губу.

Она сняла с нижней губы капельку крови и мазнула Колина по губам. Он не противился. Рука Роберта по-прежнему лежала у основания его шеи, совсем рядом с горлом. Кэролайн набрала еще крови на палец, потом еще, пока не выкрасила ею Колину губы — полностью. Затем Роберт, придавив рукой верхнюю часть груди Колина, взасос поцеловал его в рот, и, пока длился этот поцелуй, Кэролайн гладила Роберта по спине.

Когда он выпрямился, Колин несколько раз

звучно сплюнул. Кэролайн тыльной стороной руки вытерла розовые потеки слюны с его подбородка.

— Глупый мальчишка, — прошептала она.

— Чем вы опоили Мэри? — ровным тоном спросил Колин. — Чего вы хотите?

— Хотим? — переспросил Роберт. Он что-то достал из серванта, но тут же спрятал в руке, и Мэри не заметила, что это было. — Хотим — это не совсем точное слово.

Кэролайн радостно рассмеялась:

— И слово «желание» тоже не подойдет.

Она сделала шаг назад и оглянулась на Мэри.

— Все видишь? — спросила она. — Ты помнишь все, о чем я тебе рассказала?

Мэри пыталась рассмотреть предмет, который Роберт сжимал в руке. Внезапно он сделался в два раза длиннее прежнего, и теперь она ясно видела, что это такое, и, хотя каждый мускул во всем ее теле напрягся до предела, она смогла только едва заметно сжать пальцы правой руки. Она закричала, потом еще раз, но изо рта у нее вышел еле слышный, на выдохе, шепот.

— Я сделаю все, что вы захотите, — сказал Колин; голос у него сорвался на панический вскрик. — Только прошу вас, вызовите к Мэри

доктора.

— Отлично, — сказал Роберт, взял Колина за руку и развернул ее ладонью вверх.

— Смотри, как это просто, — сказал он, обращаясь, видимо, к самому себе, и провел, легко, играючи, бритвой по запястью Колина, глубоко разрезав артерию.

Его рука дернулась вперед, и брошенная им веревка, оранжевая в косых солнечных лучах, упала, не долетев нескольких дюймов до колен Мэри.

Глаза у Мэри закрылись сами собой. Когда она снова открыла их, Колин сидел на полу, спиной к стене, расставив ноги. Его матерчатые пляжные туфли странным образом размокли и деформировались и сплошь были в алых пятнах. Ему было трудно держать голову, но глаза блестели ровно и чисто и с полным недоумением смотрели на нее через комнату.

— Мэри? — тревожно сказал он, как человек, вошедший со света в темную комнату — Мэри? Мэри?

— Я сейчас, — сказала Мэри. — Я уже иду.

Когда она опять пришла в себя, вынырнув из бесконечного сна, его голова откинулась назад, а тело съежилось. Глаза, по-прежнему открытые и

глядящие прямо на нее, утратили всякое выражение, кроме усталости. И она увидела его как будто очень издалека, хотя в поле ее зрения больше ничего не осталось, сидящим у маленького прудика, окрашенного в красный цвет полосатым ромбом света, пробившегося через ставень — теперь чуть приоткрытый.

Всю следующую ночь ей снились стоны, и всхлипы, и внезапные вскрики, фигуры, которые переплетались и переворачивались прямо у нее под ногами, плескались в маленьком пруду и кричали от счастья. Ее разбудило солнце, которое заглянуло через витражную дверь балкона у нее за спиной и стало греть ей шею. Времени, должно быть, прошло уже очень много, потому что расползшиеся по всему полу следы успели покрыться сухой ржавчиной, а стоявший у дверей багаж исчез.

Прежде чем спуститься по усыпанной гравием дорожке к больнице, Мэри остановилась передохнуть в тени у сторожки. Сопровождавший ее молодой чиновник явно скучал, но был терпелив. Он поставил на землю свой кейс, снял темные очки и принялся протирать их вынутым из нагрудного кармана носовым платком. Женщины устанавливали вдоль дорожки лотки, в

ожидании первых утренних посетителей. Видавший виды микроавтобус с рифлеными бортами привез продавцам цветы, а чуть ближе одинокая женщина доставала из портпледа с эмблемой авиакомпании крестики, статуэтки и молитвенники и раскладывала их на переносном столике. Вдалеке, перед больничной дверью, садовник поливал подъездную дорожку из шланга, чтобы прибить пыль. Чиновник тихо кашлянул. Мэри кивнула, и они пошли дальше.

На поверку оказалось, что за беспорядочно-суетливой поверхностью города скрывался сложный и процветающий бюрократический аппарат, скрытая система правительственных учреждений с раздельными, но пересекающимися сферами компетенции, со своими порядками и иерархиями; неприметные двери на улицах, по которым она ходила десятки раз, вели вовсе не в частные квартиры, но в пустынные приемные с вокзальными часами на стенах, с непрестанным стрекотом пишущих машинок, и в тесные кабинеты с полами, выстланными коричневым линолеумом. Ее допрашивали, фотографировали, подвергали перекрестному Допросу; она надиктовывала показания, подписывала документы, смотрела на фотографии. Она относила запеча-

танный конверт из одного учреждения в другое, и там ее снова допрашивали. Усталые моложавые мужчины в пиджаках — должно быть, полицейские или гражданские служащие — держались с ней корректно, так же как и их начальство. Как только удалось окончательно установить ее семейное положение, а также тот факт, что дети ее находятся в сотне миль от места происшествия, и в особенности потому, что на вопрос, который ей задавали не раз и не два, она неизменно отвечала, что никогда не собиралась выходить замуж за Колина, с ней стали еще предупредительнее прежнего — и доверять тоже стали меньше. Она естественным образом превратилась для местных чиновников скорее в источник информации, нежели в предмет заботы.

Но чувство жалости сломало бы ее. А так состояние шока все длилось и длилось, и собственные чувства были для нее попросту вне зоны досягаемости. Она безропотно делала все, что от нее требовалось, и отвечала на каждый заданный ей вопрос. Ее бесчувственность усиливала подозрения. В кабинете заместителя комиссара ей сделали комплимент насчет точности и логической выстроенности ее показаний, в которых эмоциям, замутняющим картину происшедшего,

практически нет места.

— Совсем не похоже на женские показания, — хладнокровно заметил чиновник, и за спиной у нее кто-то тихо хихикнул.

Хотя здесь никто не верил в ее виновность, относились к ней так, словно она была запятнана тем, что сам заместитель комиссара назвал — и велел специально для нее перевести — «непристойными излишествами». За всеми этими вопросами крылось молчаливое допущение — или это просто ей так казалось? — что если такой человек, как она, становится свидетелем подобного преступления, удивляться тут, собственно, нечему: это как поджигатель на чужом празднике с фейерверками.

В то же время они были достаточно деликатны, чтобы говорить с ней об этом преступлении как о явлении вполне заурядном, подпадающем под давным-давно устоявшуюся категорию. За последние десять лет это учреждение сталкивалось с несколькими подобными случаями: детали, естественно, различались. Старший полицейский в форменной одежде, который принес Мэри в приемную чашку кофе, сел с ней рядом и перечислил несколько характерных особенностей. Например, убийца выгуливает

жертву в общественных местах, и многие видят их вместе. Затем непоследовательность в приготовлениях к убийству: с одной стороны, готовятся тщательно — он перечислил, загибая толстые пальцы: фотосъемка, приобретение специальных препаратов, распродажа имущества, заблаговременные приготовления к отъезду; с другой стороны, нарочитая небрежность — он снова начал загибать пальцы: ну, скажем, люди оставляют бритву на месте преступления, бронируют авиабилеты, проходят регистрацию по своим настоящим паспортам.

Этому полицейскому было еще что рассказать, но Мэри перестала его слушать. Он подвел итог, похлопав ее по коленке и сказав, что для подобного рода людей арест и последующее наказание, как правило, не менее важны, чем преступление само по себе. Мэри пожала плечами. Слова «жертва», «убийца», «преступление само по себе» были лишены всякого смысла, за ними ничего не стояло.

В гостиничном номере она свернула и упаковала вещи, разложив их по разным сумкам. Поскольку в сумке Колина осталось немного места, она сунула между его вещами свои туфли и ветровку, так же как и на пути сюда. Она от-

дала оставшуюся мелочь горничной и вложила открытки между последними страницами паспорта. Она раскрошила в кулаке оставшуюся марихуану и смыла ее в раковину. Вечером поговорила по телефону с детьми. Они были ей рады, но явно думали о чем-то другом и несколько раз просили ее повторить только что сказанную фразу. Она слышала, как на другом конце провода работает телевизор, а на своем собственном — как искаженный микрофоном женский голос пытается выпросить хоть каплю тепла. К телефону подошел ее бывший муж и сказал, что готовит карри. Она заедет за детьми в четверг вечером? А нельзя ли поточнее? После телефонного разговора она долго сидела на краешке кровати и читала отпечатанный мелким шрифтом текст на авиабилете. Снаружи доносился мерный перестук стальных инструментов.

У дверей больницы охранник в форме коротко кивнул чиновнику — поверх ее головы. Они спустились по лестнице на два пролета и пошли по прохладному пустому коридору. На стене через равные промежутки были закреплены бухты пожарного шланга, и под каждой — ведро с песком. Они остановились у двери с круглым окошком. Чиновник попросил ее подождать и

вошел внутрь. Через полминуты он распахнул перед ней дверь. В руке он держал пачку бумаг. Комната была маленькая, без окон, и в ней стоял сильный запах освежителя. На потолке — одна-единственная трубка дневного света. Двойная дверь с ходящими в обе стороны створками и такими же круглыми оконцами в каждой вела в большую по размерам комнату, где ей сразу бросились в глаза два ряда ярких, экранированных колпаками ламп. Узкая и высокая скамья, на которую уложили Колина, выдавалась на самую середину комнаты. Рядом стоял деревянный табурет. Колин лежал на спине, укрытый простыней. Чиновник ловким движением откинул ее и посмотрел на Мэри; официальная процедура опознания, в присутствии правительственного чиновника, состоялась. Мэри поставила подпись, чиновник поставил подпись и осторожно удалился.

Какое-то время спустя Мэри села на табурет и сунула свою ладонь в руку Колина. Слова рвались наружу сами, ей хотелось все-все ему объяснить. Она собиралась пересказать ему историю Кэролайн во всех подробностях, которые она запомнила, изложить ему свою теорию, пока, естественно, только в первом приближении,

относительно того, как воображение, сексуальное воображение, архаические мужские грезы о том, как причинять боль, и женские, о том, как боль причиняют тебе, обрели плоть и сформировали единый движущий принцип, который оказался в состоянии извратить любые человеческие отношения, любую истину. Но она не стала ничего объяснять, потому что какой-то чужой человек неправильно уложил Колину волосы. Она расчесала их пальцами и вообще ничего не сказала. Она держала его за руку и перебирала пальцы. Несколько раз она произнесла его имя, одними губами, как если бы повтор мог вернуть слову смысл и оживить того, к кому этот смысл относился. Внимательный чиновник несколько раз появлялся в круглом окошке. Через час он вошел, вдвоем с медсестрой. Он встал за спиной, а сестра, нашептывая что-то Мэри на ухо, как ребенку, расплела ее пальцы и пальцы Колина и вывела ее за дверь.

Мэри пошла вслед за чиновником по коридору. Когда они поднимались по лестнице, она обратила внимание, что один каблук у него стоптан сильнее, чем другой. На долю секунды обыденность возобладала, и она почувствовала моментальное дуновение той скорби, которая

ждала своего часа, под спудом, наготове. Она шумно прочистила горло, и звук собственного голоса отпугнул лишние мысли прочь.

Молодой человек вышел первым в ослепительный солнечный свет и остановился, чтобы подождать ее. Он поставил свой портфель на землю, поправил накрахмаленные манжеты сорочки и обходительно, с едва заметным поклоном предложил ей пройти обратно в гостиницу.